ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 36 (2351). Суббота, 30 августа 1947 г. Цена 50 коп.

Сегодня в номере.

1 стр. **Передовая.** К новому под'ему художественной прозы. **В Совете Министров СССР.** Об увеличении количества Сталинских премий за выдающиеся произведения художественной прозы. **А. Сурков, А. Твардовский, Г. Фиш.** На суд общественности! **Ян Сашин.** Реакционное невежество в «Британском союзнике». **М. Турсун-Заде.** Индийская баллада (стихи). **Информация.**

2 стр. **Л. Скорино.** Роман о великой буре. **С. Дурылин.** Сердце русского искусства. **Л. Субоцкий.** Недобросовестная критика.

3 стр. **З. Паперный.** Америка глазами Маяковского. **К. Полонская.** Книга о Достоевском. **М. Матусовский.** Мадам де Курдюкова о Павле Тычине. **С. Нагорный.** По страницам журнала «Октябрь».

4 стр. **Л. Дмитриев.** Поэт и его комментатор. **Проф. А. Маковельский.** Гениальное произведение Низами. **Федор Кельин.** Передовой писатель Мексики. **Информация.** Собрание писателей Эстонии. Поэзия Советской Армении. Новый словарь русского литературного языка. Рукописи русских писателей. Новые номера журналов.

К новому под'ему художественной прозы

Опубликовано постановление Совета Министров Союза ССР «Об увеличении количества Сталинских премий за выдающиеся произведения художественной прозы». Совет Министров постановил увеличить количество ежегодно присуждаемых премий за выдающиеся прозаические произведения до двенадцати. Увеличено количество премий первой и второй степени и, кроме того, учреждено пять премий третьей степени.

Это постановление — новое яркое свидетельство неустанной заботы партии и правительства о развитии и процветании нашей литературы и ее ведущего жанра — художественной прозы.

Послевоенные годы в жизни советской литературы ознаменовались значительным количественным и качественным ростом прозы.

Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства оказали благотворное влияние на нашу литературу, вызвали новый под'ем творческих сил советских писателей, способствовали созданию новых писательских кадров. В литературу пришли молодые прозаики, и каждый из них стремится по-своему раскрыть богатство советской действительности, величие характера простых советских людей.

В 1946 году были опубликованы повести «Спутники» В. Пановой, «Люди с чистой совестью» П. Вершигоры, «Ветер с юга» Э. Грина, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Сталинград» В. Некрасова, удостоенные Сталинской премии.

Литературно-художественные журналы напечатали в текущем году немало прозаических произведений; привлекли внимание широких кругов советских читателей: романы «Буря» И. Эренбурга, «Счастье» П. Павленко, «Белая береза» М. Бубеннова, «Университет» Г. Коновалова, «Алитет уходит в горы» Т. Семушкина, неоконченный еще роман К. Федина «Необыкновенное лето», повести Э. Казакевича «Звезда», С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды».

Отдельными изданиями вышли новые исторические романы — «Сотворение века» С. Голубова, «Невская твердыня» В. Костылева.

Под'ем прозы налицо во многих братских литературах. Романы латышского писателя В. Лациса «Буря» и украинца А. Гончара «Знаменосцы» уже известны и русскому читателю и завоевали его признание. «Мы вместе были в бою» Ю. Смолича, «Переправа» С. Скляренко, «Теплое дыхание» М. Последовича, «Под мирным небом» А. Стаховича, «Два чинара» А. Каххара, «Санджарская тропа» Л. Киачели, «Ацаван» Н. Зарьяна, «Отец и сын» А. Сираса, «Решающий шаг» Б. Кербабаева, «Время летит» А. Токомбаева, «Два семейства» Р. Рохта — положительно оцениваются в печати братских республик.

Перечисленные произведения далеко не исчерпывают всех новых явлений в области советской художественной прозы. Многие из этих произведений страдают недостатками, но в целом они наглядно свидетельствуют об идейно-художественном росте, о широте тематического охвата и стилевом многообразии нашей литературы.

Характерными признаками новой прозы являются одухотворяющий ее животворный советский патриотизм, большевистская идейность, правдивость изображения и смелый, решительный подход к оценке явлений жизни. В центре внимания писателя стал положительный герой — передовой человек социалистической эпохи, достойный представитель великого советского народа, народа-героя, народа-созидателя.

События Великой Отечественной войны, проблемы коммунистической морали, жизнь колхозного села, советского студенчества, вопросы близкой и далекой истории нашей страны — таков круг тем, охваченный в этих произведениях. Большинство из них отмечено подлинной творческой смелостью. Роман И. Эренбурга «Буря» отличается широтой охвата событий, политической остротой. Только советский художник мог поставить себе задачу с высоты великой победы своего народа осветить исторические события огромной значимости во всем их масштабе, показать участие и роль во второй мировой войне различных народов. И только советские писатели могли написать такие книги, полные суровой, ничего не утаивающей правды о трудностях, которые переживал или переживает наш народ, книги, одновременно проникнутые победным оптимизмом, как романы «Белая береза» М. Бубеннова, «Счастье» П. Павленко.

Метод социалистического реализма является об'единяющим признаком для этих произведений. Успешное овладение этим плодотворным методом советскими писателями способствует раскрытию творческой индивидуальности каждого из них. Произведения новых авторов говорят о своеобразии их писательских дарований. Четкий аналитический психологизм В. Пановой, мягкий юмор П. Вершигоры, светлый лиризм Э. Казакевича, романтическая публицистика А. Гончара, — разнохарактерные стилевые особенности присущи новым авторам, пришедшим недавно в литературу.

Советская проза является самой богатой прозой мира по многообразию и яркости художественных индивидуальностей. Подобное богатство и не снилось ни одной из литератур современного буржуазного Запада, где творческая индивидуальность художника давно смазана, стерта общим господствующим тоном уныния и безысходности, где признаки идейного разложения и умирания наглядно выражаются в похоронной монотонности и однообразии манеры письма.

Наша художественная проза находится в состоянии под'ема, обещающего еще более плодоносный расцвет в ближайшие годы. Постановление Совета Министров Союза ССР об увеличении количества Сталинских премий за выдающиеся прозаические произведения говорит о том, что правительство и народ придают огромное значение развитию советской прозы и стремятся обеспечить писателям все условия для создания новых, нужных народу произведений.

Советские прозаики овладели мастерством художественного изображения нашей действительности настолько, чтобы иметь полную возможность активно вторгаться во все стороны советского бытия, изображая нашу героическую действительность, указывать народу его путь вперед.

Однако в этом направлении сделаны только первые шаги.

Активное вторжение в жизнь, смелая поддержка всего нового и передового и резкая критика всего косного и отсталого, мешающего развитию советского общества, — такова задача нашей литературы. К решению этой задачи еще только приступают советские писатели.

«Мы, работники народа, должны в каждом человеке поднять веру в себя, чувство гордости за себя, поднять в глазах всего света величие и достоинство нашего человека», — эти слова героя романа «Молодая гвардия» коммуниста Шульги имеют прямое отношение к работе писателя.

Ведущая тема современности, тема советского патриотизма, тема идейного и нравственного превосходства советского человека, однако, еще не нашла всестороннего выражения. Того, что сделано нашими прозаиками, никто не отнимет, но это только подступы к теме советского патриотизма, которая должна быть выражена в нашей прозе с партийной страстностью и художественным совершенством.

Во всей полноте развертывается перед писателями сложность еще не решенных ими задач, обилие еще не охваченных ими тем. Почти ничего не сделано нашими прозаиками, чтобы обобщить тот героизм, с которым работает наш народ над восстановлением и развитием народного хозяйства. Роман П. Павленко «Счастье»—пока лишь первое значительное произведение на эту тему. Нет произведений, показывающих людей нашей социалистической индустрии, нет и таких прозаических произведений, которые бы воссоздали полную картину жизни колхозной деревни на ее современном послевоенном этапе.

А сколько областей советской жизни еще вовсе не освещено писателями! Роль Советской Армии в формировании характера нашего молодого человека, жизнь нашей научной интеллигенции, борьба передовых ее представителей против низкопоклонства отдельных ее кругов перед культурой буржуазного Запада, труд нашей сельской интеллигенции, культурный рост и процветание братских народов нашей страны, да и многие, многие другие темы еще только ждут своего разрешения.

Весь советский народ желает успеха писателям в достижении тех благородных целей, которые поставлены перед ними партией и правительством. Ощущая на себе эту повседневную народную заботу, советские писатели выполнят свой патриотический долг перед Родиной.

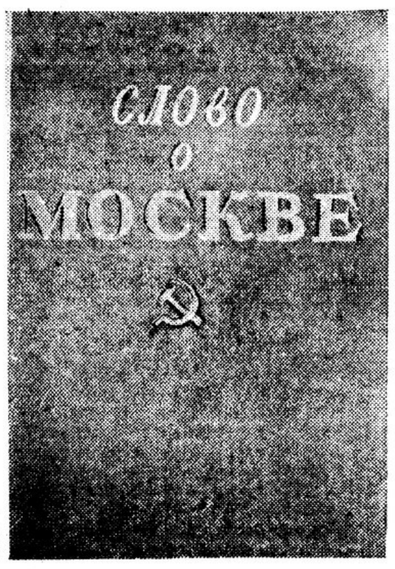
В Совете Министров СССР

Об увеличении количества Сталинских премий за выдающиеся произведения художественной прозы

В частичное изменение Постановления СНК СССР от 1 февраля 1940 г. № 178 «Об учреждении премий имени Сталина по литературе» Совет Министров Союза ССР постановил увеличить количество ежегодно присуждаемых Сталинских премий за выдающиеся произведения художественной прозы до 12 премий и учредить, кроме премий первой и второй степени, премии третьей степени.

Совет Министров СССР установил три премии первой степени в размере 100.000 рублей каждая; четыре премии второй степени в размере 50.000 рублей каждая; пять премий третьей степени в размере 25.000 рублей каждая.

Плакат работы худ. В. Ливановой. (Издательство «Искусство»).



Обложка книги «Слово о Москве» работы худ. Н. Ильина (Гослитиздат).

«Москва — центр мировой культуры» — так называется выставка, которую Музей истории Московского государственного университета готовит к юбилею столицы. Среди экспонатов выставки — первые издания уникальных книг и иллюстраций, посвященных Москве, текст письма Михаила Ломоносова Шувалову с проектом организации Московского университета, номера старых московских литературных журналов — «Телескопа» Надеждина и «Московского телеграфа» Полевого.

Особые разделы выставки посвящены деятельности декабристов и революционных кружков в Московском университете и темам «Москва в трех революциях», «Москва в советской литературе».

* * *

ЛЕНИНГРАД. **(От наш. корр.).** Широко развернулась в Ленинграде подготовка к 800-летию Москвы. В домах культуры и клубах проводятся литературные вечера и концерты, посвященные столице социалистической родины.

Несколько литературно - музыкальных композиций подготовило концертное бюро Ленинградской филармонии: «Москва — сердце нашей родины», «Москва героическая», «Москва в годы Великой Отечественной войны» и др.

Литературные вечера организует сектор пропаганды Ленинградского отделения Союза советских писателей. 800-летие столицы предполагается отметить большим вечером ленинградских писателей в одном из домов культуры.

Библиотека дома писателя им. Маяковского открыла выставку книг о Москве.

* * *

КИЕВ. **(От наш. корр.).** В Киеве создана городская комиссия для проведения торжеств, связанных с 800-летием Москвы. От Союза советских писателей Украины в состав комиссии вошел поэт А. Малышко.

С 28 августа по 7 сентября в городе состоится юбилейная декада. В эти дни Союз советских писателей организует на крупнейших киевских заводах «Большевик», «Арсенал» и др., фабриках и в вузах литературные вечера, посвященные великой дате.

* * *

СТАЛИНАБАД. **(От наш. корр.).** В зале публичной библиотеки Сталинабада состоялся большой вечер, посвященный 800-летию Москвы.

На вечере присутствовали ученые, писатели, журналисты, рабочие и служащие предприятий, преподаватели, студенты, военнослужащие и др.

Доклад «Москва — сердце нашей родины» сделал историк Н. Хижняк.

Деятели науки А. Богоутдинов, С. Юсупова, А. Алимов, И. Крамов и другие рассказали об огромной помощи великого русского народа, оказываемой таджикскому народу в его экономическом, политическом и культурном развитии.

От Союза советских писателей Таджикистана выступил В. Кириллов, рассказавший о благотворном влиянии русской советской литературы на творчество писателей Таджикистана. В. Кириллов и Давлятшо Памири прочли стихи, посвященные Москве и великому Сталину.

Тепло было встречено выступление лейтенанта Раджабова — участника сражения под Москвой, который поделился своими воспоминаниями о днях героической обороны столицы Советского Союза в 1941 году.

К 30-летию Великого Октября

Сессия отделения литературы и языка Академии наук СССР

Отделение литературы и языка Академии наук СССР проведет специальную сессию, посвященную 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Академик И. Мещанинов прочтет на сессии доклад «Советское языкознание за 30 лет».

Научные сотрудники Института русского языка выступят на сессии с докладами: «Проблемы изучения языка писателей за 30 лет» (академик В. Виноградов), «Изучение грамматики русского языка за 30 лет» (член-корреспондент Академии наук СССР Е. Истрина), «Изучение русских народных говоров за 30 лет» (профессор Р. Аванесов и старший научный сотрудник Ф. Филин). Доклад на тему «Горьковедение за 30 лет» прочтет кандидат филологических наук Б. Михайловский (Институт мировой литературы им. А. М. Горького). От Института литературы (Пушкинский дом) с докладами выступят: доктор филологических наук Л. Плоткин («Партия и литература») и член-корреспондент Академии наук СССР В. Жирмунский («Итоги изучения западных литератур за 30 лет»). Член-корреспондент Академии наук СССР А. Еголин прочтет доклад «Советское литературоведение за 30 лет». Кроме того, на сессии прочтут ряд докладов работники Института языка и мышления им. Н. Я. Марра и Института востоковедения.

СОКРОВИЩНИЦА ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА ЭСТОНИИ

ТАЛЛИН. **(От наш. корр.).** Среди многочисленных культурных учреждений, созданных в Прибалтике при советской власти, почетное место занимает Государственный литературный музей ЭССР в Тарту.

В дни немецкой оккупации здание музея было занято гестаповцами. Группе патриотов удалось с риском для жизни вывезти главные архивные ценности и спрятать их в ближайших деревнях. После освобождения Тарту от фашистских захватчиков все ценности были водворены на прежнее место.

В книжном архиве музея хранится более 160.000 книг на эстонском языке, вышедших в Прибалтике и за ее пределами. Более полного собрания эстонской художественной литературы и публицистики нет нигде. Здесь имеются все самые главные издания, начиная с первой эстонской книги, появившейся в свет в 1553 году, и кончая советскими изданиями 1947 года.

Огромную ценность составляет фонд периодики. В нем собраны все старейшие и современные эстонские газеты: комплекты «Люхике ыпетус» («Короткие советы» — 1766 года), издания прошлого столетия — «Пярно постимеес» и «Эсти постимеес» и др.

Фольклорное отделение музея является одним из крупнейших в мире хранилищ материалов по народному творчеству. Более 700.000 страниц занимают здесь эстонские народные песни, описания народных обрядов, запись сказок, пословиц и др.

В музее хранятся также рукописи произведений и письма крупнейших эстонских писателей и других видных деятелей национальной культуры.

НА СУД ОБЩЕСТВЕННОСТИ!

Когда мы читаем новое произведение советского писателя, слушаем новую симфонию композитора, узнаем о талантливом изобретении конструктора, о новом открытии нашего ученого, мы испытываем естественную гордость и радость за наших людей, за взрастившую их великую Родину.

Но, видимо, есть еще и в нашей среде люди, у которых это чувство гордости и радости за успехи родной культуры, как это ни странно, отсутствует.

В американском журнале «Сайенс» появилась статья советского ученого, президента Академии наук Белорусской ССР, проф. А. Жебрака. Можно было думать, что советский ученый использует свое выступление в иностранном журнале для популяризации достижений передовой советской науки, для борьбы с враждебными, лженаучными буржуазными теориями, или хотя бы для деловой информации.

Нет! Проф. А. Жебрак решил посвятить свою статью уничижению и охаиванию передового советского ученого, известного всему культурному человечеству своими новаторскими трудами в области физиологии растений и генетики, академика Т. Лысенко. Под видом об'ективного изложения состояния генетики в СССР А. Жебрак целиком солидаризуется с наиболее реакционными американскими профессорами в оценке теоретических достижений советской мичуринской школы, возглавляемой Т. Лысенко.

В своем низкопоклонстве перед зарубежной наукой проф. Жебрак доходит до того, что фактически предлагает американским ученым нечто вроде единого союза для борьбы против советского ученого Т. Лысенко. Всячески пытаясь дискредитировать имя Т. Лысенко как ученого, проф. Жебрак стремится заверить американских профессоров в том, что судить о советской науке по трудам такого ученого, как Т. Лысенко, не следует, что советская наука, дескать, решительно ничем не отличается от буржуазной, и что «подлинные» советские ученые, вроде него самого, А. Жебрака, — такие же приличные и благовоспитанные люди, как и его, А. Жебрака, американские коллеги. С развязностью он раз'ясняет, что, мол, Т. Лысенко был награжден советским правительством не как ученый, «не за его взгляды и эксперименты в области генетики», а лишь «за свою работу в области практики сельского хозяйства». Кстати сказать, кто дал право А. Жебраку по-своему «раз'яснять», вопреки фактам, постановления советского правительства? Общеизвестно, что Т. Лысенко был неоднократно удостоен высоких наград за свои ученые труды, которые, конечно, никак нельзя оторвать от практики советского сельского хозяйства.

Заверив, таким образом, своих американских коллег в том, что советское правительство будто бы не признает научной ценности трудов Т. Лысенко, А. Жебрак в своей статье спешит успокоить американских профессоров и в том отношении, что деятельность одного из передовых советских ученых, «основанная по существу на наивных и чисто умозрительных заключениях, несмотря на энергичность натиска, не в состоянии помешать успешному развитию генетики в СССР».

Мы оставляем в стороне противоречие между утверждением Жебрака о том, что Лысенко является только агрономом-практиком, и обвинением того же Лысенко в «чистой умозрительности». Но нельзя не возмутиться злобным, клеветническим заявлением Жебрака о том, что работы Т. Лысенко, по существу, мешают развитию советской науки и что только благодаря неусыпным заботам Жебрака и его единомышленников наука будет спасена. И залог этого спасения А. Жебрак видит в том, что он не одинок: «Вместе с американскими учеными, — пишет Жебрак в журнале «Сайенс», — мы, работающие в этой же научной области в России, строим общую биологию мирового масштаба». С кем это вместе строит Жебрак одну биологию мирового масштаба?

Уж не с Карлом ли Саксом, называющим нашу страну «тоталитарной»? Уж не с Дарлингтоном ли? С тем, который, усомнившись в творческих работах Мичурина, клевещет: «Много легче предположить, что он получил свои лучшие растения из Канады и США». Не с ними ли собирается строить общую биологию мирового масштаба Жебрак? Не с теми ли учеными-генетиками, которые на международном генетическом конгрессе выпустили манифест с проповедью человеконенавистничества? Не с ними ли собирается строить общую науку Жебрак? Но если таково его желание, то вряд ли оно разделяется советскими учеными, от имени которых он взялся говорить. Гордость советских людей состоит в том, что они борются с реакционерами и клеветниками, а не строят с ними общую науку «мирового масштаба».

До чего же неприглядна роль ученого, стремящегося всеми способами опорочить своего соотечественника на страницах иноземного, к тому же враждебно настроенного издания! И именно эту роль взял на себя советский профессор А. Жебрак.

Известно, что проф. Жебрак не раз выступал с критикой трудов Лысенко на страницах советских научных журналов, и никто, разумеется, не находил в этом факте ничего зазорного. Советская наука развивается путем критики и самокритики. Без научных дискуссий невозможно самое движение науки.

Опираться же в своем споре с соотечественником на реакционных буржуазных ученых, пользуясь услужливо предоставленной ими трибуной, — это никак не согласуется с элементарным понятием гражданской чести советского человека.

Невозможно представить себе что-либо подобное в среде советских литераторов.

Мы уверены, что и среди советских ученых факты такого рода не могут быть терпимы и найдут ясную и недвусмысленную оценку.

А. СУРКОВ
А. ТВАРДОВСКИЙ
Геннадий ФИШ.

РЕАКЦИОННОЕ НЕВЕЖЕСТВО В «БРИТАНСКОМ СОЮЗНИКЕ»

В газете «Британский союзник» от 24 августа 1947 года напечатана статья английского писателя и художника Виндхэма Люиса о влиянии на него классиков русской литературы.

До сих пор мы были лишены удовольствия читать произведения или созерцать художественные полотна господина Виндхэма Люиса, но, судя по тому образцу его творчества, которое украшает собой номер «Британского союзника», незнакомство с этим писателем не может болезненно отразиться на состоянии нашей культуры.

Дело в том, что долгое время в тайниках мозга господина Виндхэма Люиса, по его собственному признанию, откладывался «эмоциональный осадок горестных, радостных, либо экстатических ощущений». Надо сознаться, что до тех пор, пока означенный осадок обретался в вышеупомянутых тайниках мозга, и осадку было хорошо, и мозгу неплохо.

Но вот сей достопочтенный сэр опорожнил тайники своего мозга от скудных запасов экстатических ощущений, и в результате этого процесса появилось на свет двести сорок строчек, представляющих собою смесь путаницы, невежества и прямой злобной клеветы.

Из всего огромного и многообразного богатства русской литературы XIX века более всего по душе господину Виндхэму Люису «Бесы» Достоевского.

«Но все же, какая замечательная вещь «Бесы»! — восклицает этот джентльмен.— Какое удивительное сборище представляют собою Ставрогин, Тихон, Верховенский, Шатов!»

Восхищаясь этим реакционным произведением Достоевского, господин Виндхэм Люис не упускает случая очернить русских студентов предоктябрьской поры, с которыми он встречался в Париже: «...эти персонажи (Ставрогины, Верховенские.—**Я. С.**), превратившиеся в плоть и кровь, ежедневно попадались мне на парижских бульварах, в точности соответствуя авторскому описанию».

Поистине, господину Виндхэму Люису удалось довести себя до экстатического состояния злобы ко всему революционному, если он в русских студентах ухитрился увидеть портретное сходство с подчеркнуто карикатурными образами революционеров, какими их умышленно изобразил Достоевский в своем романе.

По тому, какие герои произведений вызывают наибольшее сочувствие Виндхэма Люиса, можно судить о моральных наклонностях самого автора. С неожиданной откровенностью он сообщает: «Я жил одной жизнью с Верховенским...», «...я снова вместе с Раскольниковым занес топор над головой престарелой ростовщицы...»

Немного же понял в русской классике Виндхэм Люис! Он не понял ее демократической традиции, не увидел ее положительных образов, не оценил ее подлинных духовных богатств, не понял противоречий, двух разных сторон в творчестве Достоевского. Только искаженное, патологическое привлекло его внимание. Если Достоевский содрогался, рисуя картину преступления Раскольникова, то мистер Люис смакует это преступление, чувствуя себя его соучастником. Каждому свое... В статье английского литератора чрезвычайно ясно сказывается повышенный интерес к цинизму и патологии, который навеян не русской классикой, а сегодняшней декадентской «культурой» Западной Европы и Америки. Пытаться об'яснить Виндхэму Люису подлинную сущность русской литературы так же бесполезно, как делать прививку грушевого дерева ножке дубового стола.

Гнилой «литературной» пищей угощает «Британский союзник» советского читателя, стоящего на неизмеримо более высоком идейно-культурном уровне, чем авторы статей, подобных статье мистера Люиса.

Ян САШИН.

Памяти великого поэта

АШХАБАД. **(От наш корр.).** Отдельные переводы Низами на туркменский язык были сделаны перед войной. Часть из них публиковалась в периодической печати. В настоящее время подготовлен большой сборник переводов произведений великого азербайджанского поэта. Сборник выходит в Туркменгизе под редакцией Кара Сеитлиева и Р. Алиева.

Для юбилейного сборника полностью переведена поэма «Лейли и Меджнун» (переводчики: Ата Ниязов, Д. Халдурды и Б. Сейтаков), главы из «Семи красавиц» (перевод Б. Кербабаева) и из «Искендернамэ» (перевод А. Рухи). В сборник включена также лирика Низами (в переводах Я. Насырли, К. Сеитлиева и Б. Сейтакова).

В сентябрьском номере литературного журнала «Совет Эдебияты» публикуются новые переводы из Низами, статья Х. Араслы «Жизнь и творчество Низами» и статья А. Кекилова — «Низами и туркменская литература».

Республиканские и областные газеты Туркменистана в дни юбилея дадут страницы, посвященные Низами. Туркменский радиокомитет организует передачи произведений поэта в переводе на туркменский и русский языки.

* * *

Хорошо оформленные и богато иллюстрированные издания произведений Низами, вышедшие за время советской власти, собраны на витринах выставки, организованной Государственной библиотекой им. Ленина в Москве.

Обращает на себя внимание выпущенная Детгизом Азербайджана книга «Сказка о русской царевне» (из поэмы «Семь красавиц»), иллюстрированная художником-палешанином И. П. Вакуровым.

* * *

РИГА. **(От наш. корр.).** Литературно-художественный журнал «Карогс» и газета «Литература ун максла» начинают печатанием серию статей о жизни и творчестве Низами. Здесь же будут опубликованы газеллы и отрывки из поэм Низами, переведенные поэтами М. Кемпэ, Я. Плаудысом и другими.

Латгосиздат готовит к выпуску сборник, в который войдут произведения гениального азербайджанского поэта и исследовательские материалы о его творчестве и эпохе.

Союз советских писателей Латвии разработал программу большого вечера, которым будет отмечено 800-летие Низами. С докладом о величайшем поэте Азербайджана выступит на вечере Р. Эгле. Артисты латвийских театров исполнят отрывки из лучших поэм Низами.

М. ТУРСУН-ЗАДЕ

ИНДИЙСКАЯ БАЛЛАДА

Из числа населения Индустана — 60.000.000 принадлежат к касте «неприкасаемых».

Был когда-то у нас, — мне рассказывал дед, —
В Самарканде... Теперь уже этого нет...
Мне рассказывал дед, и я в книжках читал:
Был когда-то у нас прокаженных квартал.
За кладбищем пустырь огороженный был...
Жили люди — мертвей поселенцев могил.
Их соседи и семьи забыли о них,
И возврата им не было к миру живых...
Если должен был в город бедняга итти, —
Он шагал в стороне от людского пути,
Деревянной трещоткой прохожим грозя:
«Прикасаться нельзя! Прикасаться нельзя!»
Иногда и грошовой трещотки лишен, —
То веревкой, глядишь, опоясался он,
То звенел колокольчик на шее: «Динь-донь,
Прокаженных не тронь, прокаженных не тронь!»
Так — бывало — ребятам рассказывал дед, —
В Самарканде... Теперь уже этого нет...
А теперь я и сам собираю ребят
И всегда рассказать им о странствиях рад!

За хребтом Гиндукуш, Гималаев стеной
Познакомился я с легендарной страной:
Там плодов и сокровищ и света полно —
Лишь в глазах у людей, как в тумане, темно...
Рассказать обо всем не успею сейчас,
Впереди вечеров еще много у нас...
Расскажу не о мраморе древних гробниц,
Не о пестрых, павлиньих нарядах певиц,
Не о раджах, бенгальского тигра лютей,
Не о рикшах, катающих праздных людей,
Не о белых слонах, не о смуглых рабах,
Не о черных, печеных из глины хлебах...
Расскажу я о том, что страшнее всего,
И о том, как живое кладбище мертво:
Ни цветка на кладбище таком не сорвут,
Где живых шестьдесят миллионов живут!

Есть в далекой стране, среди прочих людей
Подметальщики улиц, дворов, площадей,
Землекопы, тряпичники, рать батраков,
Те, кто даром спускаются в глубь рудников...
Это — племя особое, много племен,
Это — каста — предание древних времен:
Виновато проходят, сторонкой скользя, —
Их касаться нельзя! Их касаться нельзя!
Опоясан веревкой, не согнут бедой, —
Как из бронзы, стоит полубог молодой,
И затравлен бредет величавый старик,
И ребенок улыбку встречать не привык!
«Ведь людей нашей касты за тысячу лет
Не касался никто, — им рассказывал дед, —
Человек этой касты для мира погиб».
Если тень от тебя на брамина падет, —
Тот свершать омовение, плюнув, пойдет!
Если ручки трамвайной коснешься рукой, —
Осквернится другой, осквернится другой!..

В незнакомой стране я с друзьями гостил;
Я к себе непонятного гостя впустил.
Почему не присел, продолжая дрожать?
Почему он боится мне руку пожать?
Он, как дикий олень, огляделся вокруг,
Он сказал: «Я из темного племени, друг, —
Мы преданье о встрече с тобой сохраним!»
И пошли мы к его соплеменникам с ним.
Мне вовек не забыть их негромких речей,
Их мерцавших, сиявших слезами очей,
Этих рук, что тянулись, худы и темны,
К человеку Великой Советской страны!...

За хребтом Гиндукуш, Гималаев стеной
Познакомился я с легендарной страной:
Там плодов и сокровищ и света полно,
А в глазах у людей, как в тумане, темно...
Если выйдет с улыбкой из белых палат
Лицемерный, кто в строе таком виноват, —
Пусть теперь от него отшатнется народ:
Прокаженный идет! Прокаженный идет!

Перевод с таджикского А. АДАЛИС.

Л. СКОРИНО

Роман о великой буре

Роман И. Эренбурга «Буря» освещает одну из важнейших сторон нашей действительности: он показывает новую роль Советского Союза в международной жизни. В испытаниях Великой Отечественной войны советская страна предстала перед миром могущественной державой, такой исторической силой, с которой нельзя не считаться, которую тщетно пытаться устранить с международной арены.

Новое содержание определило и характер романа, выросшего в героическую эпопею. В нем показан не отдельный участок войны, не один из ее героических эпизодов, как это было в первых произведениях военных лет, — Эренбург впервые рисует картину всей Великой Отечественной войны от ее начала до падения Берлина. «Буря» охватывает не только события, происходившие на территории Советского Союза, — действие развертывается и во Франции, и в Германии, и в Англии. Масштабность — характерная черта нового романа И. Эренбурга.

Это — произведение большой политической мысли. Исторические судьбы народов Европы составляют содержание эпопеи. Первая часть романа — предвоенный гнилой мюнхенский мир, позор первых предательств: «за Пиренеями развалины и могилы», «мечется, зовет друзей обреченная Прага», лихорадочно веселится Париж, «но привкус горя в самом веселье города». Москва в это время живет суровой и напряженной жизнью «в ожидании надвигающейся бури». Советская страна сознает свою историческую роль, предчувствует, какие великие испытания выпадут на ее долю. Вторая часть—война во Франции. От «забавной войны»—к позорному падению Парижа. Реакция пытается новым предательством спастись от угрозы немецкой агрессии, направив удар на Советский Союз. Третья часть—нападение гитлеровских орд на Советский Союз и отступление советских войск. Битва под Москвой справедливо показана, как великая проверка сил нашего народа. Победа нашей Советской Армии разрушает миф о непобедимости германского фашизма. Четвертая часть — битва под Сталинградом. Тщетное ожидание второго фронта. Порабощенные народы Европы осознают, что Советский Союз — это реальная сила, способная их освободить. Сталинград становится символом борьбы и победы над фашизмом. В оккупированной Франции простые люди пишут на стенах слово надежды — «Сталинград». Французский ученый профессор Дюма, схваченный гестапо, думает: «Тот, кто написал на стене «Сталинград», думал не о мести, не о реванше, не о славе, не о тех конференциях, где после войны будут торговаться и блефовать, — он думал о достоинстве, о том, что человека нельзя раздавить железом». Судьбы народов мира отныне связаны с судьбой Советского Союза. Часть пятая — и последняя — это окончательный разгром фашизма, освобождение порабощенных народов Европы и взятие Берлина.

Один из героев романа, Крылов, врач-фронтовик, с гордостью сознает общечеловеческое значение этой победы: советские люди «отстояли новый век». В сознании зарубежных людей эта победа предстает, как победа нового общественного строя. Профессор Дюма говорит: «Почему же русские выиграли? У них не просто государство, у них государство плюс идея». Эта идея — коммунизм: «я видел стойких католиков, роялистов, кого хотите. А вот коммунисты держались лучше всех. Почему? Да потому же — у них не просто сильный характер, у них сильный характер плюс идея».

Советскому человеку-победителю, воспитанному новым общественным строем, посвящен роман-эпопея Ильи Эренбурга.

Писатель изображает людей, сознание которых очищено от лжи и мрака индивидуалистического мировоззрения, людей социалистического общества.

«Буря» Ильи Эренбурга — это философский роман, в центре которого борьба враждебных идей, непримиримых жизненных принципов. В размышлениях героев, их внутренних монологах, мыслях и поступках, казалось бы, самых простых и обыденных, писатель показывает столкновение и противоборство этих двух сознаний — буржуазно-индивидуалистического и социалистического, советского.

С сатирической остротой писатель раскрывает, что буржуазный индивидуализм является лишь ширмой, за которой скрывается хищная, реакционная психология собственников. Немцы — бывший антрополог Келлер, бывший архитектор Рихтер, ставшие солдатами гитлеровской армии, кичатся своим «свободомыслием», «надпартийностью». Рихтер некогда тайком рассказывал анекдоты о Гитлере. Келлер равнодушно отнесся к приходу нацистов к власти: «какое дело антропологу до борьбы партий? Брюнинг или Гитлер, все равно... у него свое дело, свои книги». Но ни тому, ни другому не удается сохранить этот «уютный» нейтралитет. Стремление к личной выгоде, боязнь испортить карьеру и просто трусость приводят обоих к фашизму. Рихтер при поездке в Россию выполняет шпионские поручения. Келлер доносит на профессора Дюма. Он оправдывает себя тем, что служит родине. «А Германия — это Германия». Фашизм способствует разнузданию низменных человеческих инстинктов. Попав в гитлеровскую армию, бывшие интеллигенты опускаются физически и нравственно, они убивают мирных советских людей.

С замечательной памфлетной силой нарисованы в романе фигуры «петэновской» Франции: предатель, заводчик Берти — холодный, расчетливый мерзавец, работающий на немцев; беспечный эстет и гурман, «старый солдат», дравшийся под Верденом — фабрикант Лансье; он кичится своей «независимостью», считает себя «честным, простым французом». Он ненавидит немцев, но прекрасно уживается с ними, боясь лишиться своего предприятия. Лансье утешает себя: «дела всегда скверно пахнут». Он искренно жалеет своего компаньона и друга Лео Альпера, но порывает с ним, так как Лео еврей и ставит предприятие под угрозу конфискации. Из трусости Лансье отказывается спрятать у себя Лео, и друг его гибнет в Освенциме.

Лансье еще кричит «о духовной независимости», он уверяет себя: «я думаю то, что хочу, говорю то, что хочу». Но в действительности он пресмыкается перед нацистами и совершает предательство за предательством. Его сын Луи с горечью заявляет ему: «Ты заботишься о том, оставишь ли мне в наследство «Рошэнэ». А скажи, ты подумал: что вы нам оставите — Францию или немецкий шантан?» Эренбург показывает, что предательство и моральное разложение характерны для всей государственной, политической системы буржуазного общества. Остро и убедительно раскрывает он причины падения Франции. Рисуя картину фашистского нашествия, Эренбург пишет: «Это уже не люди бежали, не полк, не город, — бежала Франция, потерявшая рассудок, еще живая, раз'яренная и перепуганная, готовая умереть, но спасающая сундук, бальное платье, теннисную ракетку». Народ распался, остались частные лица, «страна расползлась по ниткам», как с горечью говорит доктор Морило.

Ложь и лицемерие Берти Лансье, моральное разложение Келлеров, Рихтеров и иже с ними — это звенья одной цепи. Смешно, когда гитлеровец Вилли Вебер, попав в плен к Советской Армии, на допросе тупо кричит формулы геббельсовской пропаганды: «Красная Армия разбита. Ваши генералы сдаются. Я предлагаю вам сдаться. От имени фюрера»... Такую же слепоту, непонимание того, что происходит в действительности, проявляет и ловкий, циничный промышленник Берти, один из тех, кто хотел «Францию без коммунистов, Францию без народа». Он, как и Лансье, живет в выдуманном, иллюзорном мире. Покорный слуга нацистов, он воображает, что может им диктовать свою волю: «Я не стану прислужником немцев, — думает Берти. — Но если они окажутся достаточно умными и гибкими, я могу стать их союзником». Ему кажется, что он ведет с немцами тонкую игру: «Дело не только в том, чтобы отстоять свое место во Франции, но и в том, чтобы отстоять место Франции в новой Европе». Но это такая же ложь, как и трагикомические самоутешения Лансье. Крупный нацист Ширке беспощадно осмеивает Берти: «Место Франции в новой Европе? У вас есть хорошая пословица — коза щиплет траву там, где ее привязали».

В поисках спасения старая Европа обращает свои взоры к «молодой» Америке. «Народы дряхлеют, как люди, — говорит доктор Морило. — Выскочат вперед американцы. Корнеля у них нет, только жевательная резинка, зато чертовски молоды». Американец лейтенант Джефферс тоже «беспартиен» и «боится политики»: «Меня до войны интересовали моя работа, кино и бокс». Но он за соглашение с Дарланом... Отмахивается от политики Бил Фостер, он — человек сугубо частной жизни, склонный к простым, маленьким радостям: «Поехать, например, с друзьями к морю, шутить, рассказывать дурацкие анекдоты». Он охотно едет в Россию, надеясь стать знаменитым, мечтая описать «агонию красных». Ведь «Россия— большая страна», агония продлится долго, и он «успеет приучить читателя к своей подписи». Фостера злит «фанатизм» русских, которые упорно верят в победу. Бил Фостер слеп, как и Лансье, и Берти, и немецкие нацисты. Он не способен разглядеть истинный смысл исторических событий, сущность советского общества.

Осип Альпер, боевой командир Советской Армии, встретившись на Эльбе с американскими офицерами, убеждается в том, что союзники далеки от понимания советского человека. Майор Смидл предупредителен, он спрашивает советских офицеров: «У нас среди водителей много цветных. Надеюсь, что ваших солдат это не обидит?» Чем же этот американец «отличается от немецких фашистов?» думает Осип. Смидл оскорблен, заметив, что русский его осуждает. Он пытается сразить собеседника: «У вас есть дочь, господин майор? — Была... Смидл вздохнул, желая выразить соболезнование, но не отказался от вопроса, который ему приходилось часто ставить в Европе: — Если бы вы сохранили дочь, господин майор, согласились бы вы, чтобы она вышла замуж за человека низшей расы? — Господин майор, мою дочь убили люди, которые рассуждали, как вы»...

Людям старого, буржуазного мира с их индивидуализмом и цинизмом противостоит человек нового типа, обладающий передовым мировоззрением, высокой идейностью, ясным сознанием связи со своим народом. В Великой Отечественной войне коммунисты выступили, как носители исторического разума, как люди, ясно отдающие себе отчет в ходе событий, умеющие познавать и изменять действительность.

В раздавленной, опозоренной Франции коммунисты оказались единственной силой, которая смогла сплотить народ и руководить движением Сопротивления. Эренбург рисует целую галлерею героев, которые ведут непримиримую борьбу не только с нацистами, но и с де-голлевцами, предпочитавшими предать французский народ, лишь бы не допустить революции. На вопрос петэновца Лансье: «Вы — француз, чорт возьми...?» — коммунист Лежан отвечает: «Француз. Но не такой, как вы... Из другой Франции». Эту другую, истинную Францию Эренбург показывает смелой, поэтической, мужественной. Вера в народную Францию поддерживает силы людей. Профессор Дюма говорит: «...народ — это хлеб, пот, гений... Не может, чорт побери, Франция кончиться на пьянчужке Даладье, на носатом прохвосте Бонне — изволите получить такое после Робеспьера и Сен-Жюста!» Вера в народ приводит Дюма в коммунистическую партию. Он находит здесь подлинных патриотов, тех, кто не жалеет жизни ради родины. «Франция, милая Франция — не чернилами написаны эти слова, — кровью партизан, кровью коммунистов!» — говорит Мадо Лансье, порвавшая с отцом ради народа, ради Франции. Честных и мужественных людей жизнь приводит к коммунистам, ибо только на них можно опереться в борьбе за свои человеческие права.

«Буря» Эренбурга проникнута высоким патриотическим пафосом. Книга показывает могущество советской страны, на которую обращены взоры народов мира, она говорит о величии простого советского человека.

Роман не лишен некоторых художественных недостатков. В обрисовке отдельных образов советских людей есть схематичность, расплывчатость; это относится к образам Осипа, Наташи, Раи, Ольги. В самом начале романа Сергей в разговоре с Мадо называет русских женщин «немыми Джульеттами». Никак нельзя согласиться с такой характеристикой. Душевный мир советских женщин неизмеримо богат. Они умеют прекрасно выразить себя и в подвиге, и в труде, и в слове.

Но эти недостатки не заслоняют главного: писатель подметил и поэтически выразил новое явление нашей действительности, он показал, что великие идеи марксизма-ленинизма в советской стране становятся общенародным достоянием.

Людей нового общества отличает не только высокая идейность, но и действенное умение воплощать свои идеалы в жизнь.

В 1923 году Эренбург в своем раннем романе-памфлете «Трест Д. Е.» сатирически нарисовал самоуничтожение Европы. Твайвт — американский капиталист — «ненавидел Европу, не желавшую ни покупать прекрасные мясные консервы, ни разумно размножаться». Техника и наука в руках взбесившегося буржуа становятся средством уничтожения простых людей. Электробомбы, газы, бактерии различных болезней уничтожают Европу. Простые люди гибнут. Они пассивные, беспомощные жертвы истории.

В новом своем романе «Буря» Эренбург показывает простых советских людей, как движущую силу истории. Его герои — творческие натуры. Это люди, способные противостоять любой буре. Падение Берлина — победа советского общественного строя, победа нового человека, этим строем воспитанного. По дорогам Европы, освобождая порабощенные фашизмом народы, «шла большая, сильная армия; она теперь знала, что никто перед ней не устоит».

И. Эренбург. «Буря». «Новый мир». №№ 4, 5, 6, 7, 8. 1947.

К 800-летию Москвы

СЕРДЦЕ РУССКОГО ИСКУССТВА

◇

С. ДУРЫЛИН

◇

III. *

Москва 1860—1890 годов жила сложною, кипучею жизнью.

В 1880 году А. Н. Островский писал: «Москва есть торговый центр России... Москва уже теперь не ограничивается Камер-коллежским валом, за ним идут непрерывной цепью от московских застав вплоть до Волги, промышленные фабричные села, посады, города и составляют продолжение Москвы. Все это пространство, в 60 тыс. с лишком квадратных верст, составляет как бы предместье Москвы и тяготеет к ней всеми своими торговыми и житейскими интересами; обыватели этой стороны — не гости в Москве, а свои люди... Москва — город вечно обновляющийся, вечно юный; через Москву волнами вливается в Россию великорусская, народная сила».

С падением крепостного права в течение 1860 — 1900 годов Москва промышленная и торговая росла неуклонно. Она стала экономическим и железнодорожным центром России. Вместе с развитием промышленности и торговли в Москве обострились и социальные контрасты, присущие каждому большому буржуазному городу с растущим рабочим населением.

Контраст между Москвою доживающего свой век барства, входящего в силу купечества и Москвою рабочих масс был заметен уже в конце 1850 годов.

Начиная с 1870-х годов, в Москве развивается крупная промышленность, на арену революционной борьбы выступает новый класс — пролетариат.

В 1877 году на известном процессе «50-ти» ткач Петр Алексеев произносит ставшие историческими слова: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится впрах». В. И. Ленин характеризовал эту речь как «великое пророчество русского рабочего революционера».

В Москве 1860—1870 годов было много революционных кружков среди студенческой молодежи и разночинцев. Из этих кружков вышел известный революционер и ученый шлиссельбуржец Н. А. Морозов. В «Повестях моей жизни» он ярко изобразил подпольную Москву 1870-х годов, ищущую социальной правды. Особенно сильны были революционные устремления молодежи в Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии.

В 1870-е годы Островский писал и ставил на сцене Малого театра сатирические комедии, направленные против реакции, шедшей из дворянских и военных кругов.

Малый театр развивал и укреплял свои демократические традиции. Его спектакли нередко превращались в общественные и политические события. Величайшая из русских артисток М. Н. Ермолова свыше полвека держала на сцене Малого театра знамя героического искусства, и ее справедливо называли трибуном свободы. После спектакля «Овечий источник» Лопе де Вега, в котором Ермолова создала незабываемый образ Лауренсии, предводительницы крестьянского восстания, зрители расходились из театра с вольными песнями, как с революционного собрания. Это была первая в Москве политическая демонстрация (7 марта 1876 года).

Детищем передовой демократической общественности была Московская консерватория. Ее основатель — гениальный пианист Н. Г. Рубинштейн — создал здесь творческий центр музыкальной жизни Москвы 1860 — 1880 годов. Он привлек к работе в консерватории молодого композитора П. И. Чайковского, все творчество и жизнь которого тесно связаны с Москвою.

В Москве впервые были исполнены четыре первые симфонии Чайковского. В Москве Чайковский дебютировал как оперный («Воевода») и балетный («Лебединое озеро») композитор. Борясь с казенной театральной рутиной, ученикам Московской консерватории доверил он исполнение своей любимой оперы — «Евгений Онегин».

Свою любовь к Москве, как к сердцу России, Чайковский выразил в большой кантате «Москва», где воспел исторический подвиг Москвы — собирательницы земли русской.

В Москве создалась замечательная композиторская школа С. И. Танеева, из которой вышли С. В. Рахманинов, А. Н. Скрябин, Н. К. Метнер.

Москва создала свою демократическую школу живописи и ваяния. Долгие годы ее душой был В. Г. Перов, художник-гражданин, убежденный реалист-демократ. «Со времени Перова задан был верный, живой тон делу, — писал И. Е. Репин. — Жизнью веяло от этой молодой, простой и своеобразной школы. Да, Москва свое возьмет и в школе живописи».

С Москвой связано творчество таких художников, как А. К. Саврасов, В. Д. Поленов, В. И. Суриков, В. и А. Васнецовы, М. В. Нестеров, В. А. Серов, С. А. Коровин, И. И. Левитан, С. В. Малютин, А. Е. Архипов, Н. А. Касаткин и др.

«Я как-то верую в свою надежду: наша русская школа не последнею будет», — писал еще в 1865 году П. М. Третьяков.

И эта вера оправдана теперь для всех знаменитой Московской галлереей, созданной Третьяковым, где собраны величественные создания художественного гения русского народа.

IV.

1880-е и 1890-е годы были эпохой реакции.

Но все, что было в Москве передового в области культуры, все, что было ценного в литературе, искусстве, науке, в той или иной степени противостояло реакционному режиму царизма, стремилось служить делу демократической общественности.

В 1880 году в Москве был открыт сооруженный по всенародной подписке памятник А. С. Пушкину. На открытие памятника собрались Достоевский, Тургенев, Островский, Писемский, Майков, Полонский, Григорович, Ключевский и другие писатели и ученые.

Это был апофеоз русской литературы, впервые за все ее многовековое существование отпразднованный в Москве, и он имел огромное общественное значение в реакционную эпоху восьмидесятых годов.

В самые тяжелые времена реакционного изуверства Победоносцева Москва стала центром научной мысли: в Петровской сельскохозяйственной академии, в университете и в публичных лекциях К. А. Тимирязев пропагандировал учение Дарвина и выпускал одну за другой свои книги «Жизнь растения». «Чарльз Дарвин и его учение».

Геолог Алексей Павлов увлекал студентов и обширный круг демократической публики своими чтениями по истории земли, мало приятными для победоносцевских апологетов семидневного миротворения.

В 1882 году в Москве проводилась первая перепись населения. Л. Н. Толстой, вся творческая жизнь которого связана с этим городом, в своем воззвании «О переписи в Москве» говорил о необходимости борьбы с нищетой городских трудовых низов: «Нет у нас ни одной обязанности... ни общественной, ни государственной, ни научной, которая была бы важнее этой».

Для самого Толстого близкое знакомство с Москвой рабочих трущоб и сырых подвалов было могучим толчком, заставившим его приняться за те произведения, в которых, по словам В. И. Ленина, находится «беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс» [1].

В своем сочинении «Так что же нам делать?», рисуя потрясающую картину нищеты трудовых низов Москвы, Толстой писал: «И как я ни старался найти в своей душе хоть какие-нибудь оправдания нашей жизни, я не мог без раздражения видеть ни своей, ни чужой гостиной, ни чисто, барски накрытого стола, ни экипажа, сытого кучера и лошадей, ни магазинов, театров, собраний. Я не мог не видеть рядом с этим голодных, холодных и униженных жителей Ляпинского дома. И не мог отделаться от мысли, что эти две вещи связаны, что одно происходит от другого».

Чувства, мысли, наблюдения, выводы, выраженные здесь Толстым, запечатлены во всех его дальнейших произведениях — «Воскресение», «Живой труп» и др.

Литературная Москва 1880 — 1890-х годов была Москвой Чехова.

Москва любила Чехова и тогда, когда он был веселым Антошей Чехонте, и тогда, когда он стал автором «Палаты № 6», «Рассказа неизвестного человека» и других повестей, печатавшихся в московской «Русской мысли». В этих повестях и рассказах, за которые Лев Толстой назвал писателя Пушкиным русской прозы, Чехов творил строгий суд над жизнью в футляре мещанской пошлости и обывательского малодушия. Примечательно, что, наделив своих трех сестер отвращением к обывательскому благополучию, вложив в них тоску по свободному труду, он все их стремления сгустил в одном страстном порыве: «В Москву! в Москву!»

Москва создала новый театр для того, чтобы дать жизнь чеховской драматургии, — Художественный театр.

Станиславский много раз говорил, что Художественный театр возник из сочетания двух правд — Щепкина и Чехова, восполненных революционным, по выражению Станиславского, стремлением утвердить на сцене правду мысли и простоты, высокую культуру и прогрессивную идейность в работе режиссера и актера. Программа нового театра принесла обновление всему русскому театру, и не одному русскому, а и мировому.

Горький был основателем «общественно-политической линии» Художественного театра. «Художественный театр, — писал он Чехову, — это так же хорошо и значительно, как Третьяковская галлерея, Василий Блаженный и все самое лучшее в Москве. Не любить его — невозможно, не работать для него преступление», и Горький начал работать: «Мещане» и «На дне» были написаны для Художественного театра.

Создав новый театр драмы, созвучный современности, Москва внесла реформу и в консервативнейший из театров — в оперный.

В то время как казенная опера каменела в рутине и трафарете, С. И. Мамонтов создал в Москве замечательный оперный театр, давший могучий толчок культуре русского оперного дела. Этот театр выдвинул Шаляпина, создавшего здесь изумительные реалистические образы, сделал при его посредстве популярным Мусоргского, создал огромный успех операм Римского-Корсакова, отвергнутым дирекцией казенного театра.

V.

Москва начала XX века — это растущая волна забастовок и стачек, это ясно ощущавшееся в воздухе приближение революции.

Московский генерал-губернатор «великий князь» Сергей Александрович был упорным, последовательным реакционером. Москва жила под полицейским режимом «усиленной охраны». Художественному театру, начавшему свою жизнь в 1898 году, как «Художественно-общедоступный», было запрещено рассылать дешевые билеты для рабочих на фабрики и заводы под угрозой ограничить его репертуар лишь пьесами, разрешенными для «народных театров», т. е. монархическими мелодрамами Кукольника и Н. Полевого. Когда в 1899 году на юбилейном заседании Московского университета по случаю 100-летия со дня рождения Пушкина внук декабриста, пушкинист В. Е. Якушкин упомянул в своей речи о близости Пушкина к декабристам, он на другой же день был выслан из Москвы. За «вредное направление» подверглись закрытию ученые общества (Юридическое, Педагогическое) и различные периодические издания. Рабочая печать не имела возможности существования. Лекции и чтения для рабочих могли устраивать в Москве только лекторы, действовавшие по указке известного «охранника» Зубатова.

И несмотря на все это, Москва конца 1890 — начала 1900-х годов уже жила предчувствием очистительной грозы — надвигающейся революции.

Наступление новой эпохи ощущалось на премьерах пьес Горького и Чехова на сцене Художественного театра, деятельность которого в эти годы была одним из симптомов революционного под'ема.

С премьеры «На дне» (1902) молодежь расходилась с пением «Солнце всходит и заходит». Эта тюремная песня пелась с неожиданным концом, которого нет в пьесе Горького:

Эх, вы, цепи, мои цепи!
Вы железны сторожа.
Не порвать вас, не разбить вас...
А свобода хороша!

Возникали рабочие литературные кружки. В «Суриковском кружке» об'единялись поэты из рабочих и крестьян; на трудовые гроши издавали они свои сборники; из этих тоненьких книжек, беспощадно преследуемых цензурой и администрацией, немало бодрых песен ушло в народ, и в их числе популярнейшая песня Ф. Шкулева «Кузнецы».

В писательском кружке «Среда», основанном Н. Д. Телешовым, об'единились писатели-реалисты: Бунин, Вересаев, Серафимович, Куприн, Найденов, Скиталец и др. Первые сборники «Знания», изданные Горьким в преддверии революции 1905 года, сплошь составились из произведений писателей «Среды». Из этой московской ячейки родился писательский актив «Знания», этой боевой писательской группы в эпоху первой революции.

Революционная Москва 1905 года, поднявшая знамя восстания, ощетинившаяся баррикадами, девять дней героически сражавшаяся в памятные декабрьские дни под руководством партии Ленина — Сталина, и сейчас живет в нашей памяти как символ героической борьбы народа за свою свободу. Ее облик запечатлен в десятках художественных произведений, революционный под'ем тех дней стал могучим толчком дальнейшего под'ема творческой жизни. В эти памятные дни в театрах шли запрещенные прежде пьесы, на улицах распевались революционные песни, с трибун звучали строки горьковского «Буревестника». В стены Московского университета непрестанно вливались толпы народа. Лекции В. О. Ключевского слушала вся демократическая Москва. Было создано общество народных университетов, открыта народная консерватория, из Москвы лились непрерывным потоком революционные книги, брошюры, листовки.

После подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве воцарился карательный режим Дубасова. Революционная печать была разгромлена. По приказу администрации прерывались публичные лекции, закрывались заседания просветительных обществ, снимались с репертуара «опасные» пьесы. Но и после того, как восстание было подавлено, Москва не теряет своего революционного значения.

(Окончание следует).

* Продолжение. Начало см. в № 35.

[1] В. И. Ленин. Сочинения. Издание 3-е. Том XII. 1936. 332 стр.

Л. СУБОЦКИЙ

Недобросовестная критика

«...в провинции... критикою называют пересуды, сплетни и злоязычие».
В. Белинский. «Речь о критике».

В шестой книжке журнала «Знамя» за текущий год в отделе библиографии напечатана рецензия Ф. Александровой на роман С. Голубова «Сотворение века». Эта рецензия является образчиком невежественной и недобросовестной критики.

С. Голубов, как пишет сама рецензентка, «заслужил у советского читателя популярность как автор исторических романов и повестей». Широко известен вышедший в 1943 году роман С. Голубова «Багратион». Трилогия «Сотворение века» — новый исторический роман С. Голубова, посвященный важнейшему историческому периоду — годам империалистической войны, Октябрьской революции и гражданской войны. Вышедшая первая книга трилогии «Свет над землей» рисует картины жизни различных слоев русского общества в 1910—1914 годах: здесь действуют рабочие и крестьяне, купцы и помещики, офицеры и солдаты царской армии, представители придворной аристократии и промышленники. Основные герои романа — полковник царской армии Николай Тулубьев, литерский рабочий-большевик Алексей Катасонов и крестьянин Никита Лучинкин.

Изображая «верхи» царской России, «хозяев жизни», С. Голубов одновременно дает широкую картину революционного движения рабочих в Петербурге, показывает глухое брожение революционных сил в деревне.

Таким образом, рецензентка имела дело с большим историко-революционным романом крупного советского писателя, с произведением, заслуживающим внимательного и серьезного анализа. Критик обязан был выступить во всеоружии исторических и политических знаний, высоких эстетических критериев, правильной критической методологии. Ничего этого читатель не находит в рецензии Ф. Александровой.

Для общей характеристики критического «метода» автора статьи достаточно указать, что образ основного героя романа — Алексея Катасонова остался вне поля зрения Ф. Александровой. Персонаж этот попросту совсем не охарактеризован в рецензии, хотя именно он, по замыслу автора и по своей роли в романе, является представителем и выразителем тех общественных сил, которые «творят век», выступают в качестве борцов за новый мир. Рецензия о большом романе, вовсе не анализирующая образ главного героя произведения, — факт, беспримерный в нашей критике.

Не выполнив первейшей своей обязанности — дать критический разбор центрального персонажа, рабочего-большевика, Ф. Александрова все же считает себя вправе развязно утверждать, что С. Голубов «не сумел воплотить в образах глубокое интеллектуальное и моральное превосходство поднимающегося к революции пролетариата, его лучших людей, грядущее торжество революции».

Образ другого главного героя романа — Никиты Лучинкина рецензентка «анализирует» в четырех абзацах, обнаруживающих элементарную критическую недобросовестность. С. Голубов изображает крестьянина, подпавшего под влияние проповеди Толстого, крестьянина, считающего, что если каждый в одиночку будет честно трудиться и делать «нужное, правильное», — от жизненной несправедливости и гнета «завтра же... не останется следа». Суровая правда жизни мало-помалу изгоняет реакционные иллюзии из сознания Никиты. Мучительно, путем разочарований в прежней вере, Никита приходит к мысли о революционном переустройстве жизни. Этот путь облегчен для него горячим словом большевистской «Правды», привезенной в деревню революционно настроенным солдатом Курлыкиным.

Можно не соглашаться с психологической трактовкой образа, с авторской мотивировкой поступков Никиты, можно спорить о типичности этой фигуры для деревенской действительности 1910 — 1914 годов. Но Ф. Александрова предпочитает заняться измышлениями. С. Голубов показывает, как, увлеченный проповедью своей вновь найденной правды, Никита «ходил по мужикам и толковал с ними о самых мудреных вещах», как из-за этого он «от работы отбился». «Было это в нем не от лени» — это понимает даже жена Никиты Ефросинья — отсталая, темная крестьянка. Но этого не понимает рецензентка, иронически замечающая, что «идейный рост Никиты прежде всего сказался в том, что он от работы отбился».

«Все межи да межи, — думает Никита, смотря на крестьянское поле. — Все поле располосовали... И сколько пропадает даром земли на этих самых межах!.. А то еще загороди — к чему они? Куда ни выйдешь, везде изгородку готовят. Мое, мол! Не тронь, мое! Живут, всякий прутик разделивши... А я вот не горожу и не буду!»

Эту неясную еще ему самому мечту Никиты о полях без межей, о жизни без загородей Ф. Александрова безответственно клеймит, как «юродство» и «сумбурность». Рецензентка негодует на то, что Голубов избавляет своего героя от влияний толстовства, проводя его через различные жизненные испытания: потеря сына, развал хозяйства, измена жены. Все это кажется Александровой «случайностями, не имеющими ничего общего с толстовскими иллюзиями». Ей и невдомек, что за этими «случайностями» стоят закономерности развития деревни в дореволюционной России с ее нищетой миллионов и обогащением немногих, с «идиотизмом деревенской жизни», без школ, без больниц, без элементарных признаков культуры.

Не поняла Ф. Александрова и образа эсера Ликургова, заметив только то, что он «карьерист и морально нечистоплотный суб'ект» и не заметив в нем ни политического авантюриста, ни «оборонца», ни представителя ЦК партии эсеров, получающего субсидии от капиталиста Викулова. Почему Александрова возражает против изображения С. Голубовым эсера «морально нечистоплотным суб'ектом»? Почему ей не нравится, что С. Голубов в романе (а не в публицистической статье) раскрывает гнусность эсеровских прихвостней капитализма, показывая мерзость поступков, стремлений, психологии и характера Ликургова? Зачем толкает она писателя на путь аполитичного «об'ективизма»?

Изображая петербургского фабриканта-миллионера Викулова, злобного и циничного врага рабочего класса, субсидирующего эсеровскую и меньшевистскую пропаганду классового мира, С. Голубов показывает, что этот цивилизованный капиталист читал Маркса. На этом основании Александрова утверждает, что автор гримирует «цивилизованных зубров русской буржуазии кануна мировой войны под легальных марксистов 90-х годов». Рецензентка не только прибегает здесь к прямой передержке и приписыванию автору своих измышлений, но и обнаруживает наивное невежество: ведь Маркса читали и Гучков, и Рябушинский, но в «легальных марксистов» от этого они не превратились.

Однако во всей «красе» вопиющее невежество и безответственность Александровой сказываются в той части ее рецензии, где она высокомерно поучает писателя исторической грамотности. Ограничимся двумя примерами. «Всякому элементарно грамотному человеку известно,—пишет Александрова, — что в период между 1907 и 1917 годами не созывался ни один с'езд партии, а Базельский конгресс 1912 года был последним конгрессом II Интернационала с участием большевиков. Тем не менее в романе большевики осенью 1913 года готовятся одновременно и к с'езду партии и к международному конгрессу». А известно ли «элементарно грамотной» Александровой о Поронинском совещании осенью 1913 года, на котором было решено готовить с'езд партии, приурочив его ко времени созыва международного социалистического конгресса в Вене, намеченного на август 1914 года? На основе поронинских решений весной 1914 года (а не осенью 1913-го, как кажется Александровой) и вели большевики как в действительности, так и в романе, подготовку к с'езду партии и конгрессу. Факты эти общеизвестны (хотя ни конгресс, ни с'езд не состоялись из-за начавшейся войны), и мы советуем незадачливой рецензентке, если она действительно «элементарно грамотна», почитать о них в сочинениях Ленина (т. XVII, стр. 6—7 и стр. 686).

«Ни в одном документе, ни в одной статье Ленина и Сталина о выборах в Четвертую думу не упоминаются отзовисты, речь идет только о ликвидаторах»,—пишет Ф. Александрова. Рекомендуем столь категорично невежественному критику почитать статью В. И. Ленина «Избирательная кампания в IV думу и задачи революционной социал-демократии» (Собр. соч., т. XV, стр. 457). В ней Владимир Ильич писал: «Только безнадежно слепые люди могут не видеть даже теперь всей взрывчатости, всей гибельности для рабочего класса отзовизма и ликвидаторства...»

На полутора столбцах убористого шрифта Ф. Александрова «уличает» С. Голубова в том, что «в романе поставлен на-голову важнейший принципиально-политический вопрос» об отношении большевиков к стачкам, и упрекает писателя в непонимании значения экономических требований.

Во второй части романа изображается забастовка протеста рабочих петербургского металлического завода летом 1912 года, направленная против злоупотреблений правительства в связи с выборами в думу. Это был тот период борьбы, о котором товарищ Сталин писал в апреле 1912 года (статья «Новая полоса», газета «Звезда» № 30).

«Вслед за экономическими выступлениями рабочих — политические их выступления.

Вслед за стачками за заработную плату— протесты, митинги, политические забастовки по поводу ленских расстрелов... Нет сомнения, что подземные силы освободительного движения заработали... Привет вам, первые ласточки!» (И. В. Сталин. Сочинения, т. II, стр. 225—226).

Изображаемая С. Голубовым стачка носит политический характер. Меньшевики по уговору с администрацией завода стремятся подбить рабочих на пред'явление дополнительно к политическим и экономических требований: увеличение расценок, кипятильники в мастерских и т. п. Дирекция завода сделает уступки экономическим требованиям рабочих, а меньшевики поведут агитацию за соглашение с хозяевами и, таким образом, сорвут политическую стачку. В этих конкретных условиях большевики Катасонов и Петр Маркыч разоблачают меньшевистский замысел и добиваются продолжения политической стачки. При этом большевики отлично понимают, что «отрицать экономическую борьбу смешно. Да никто и не отрицает». Так черным по белому написано в романе.

Этот эпизод романа Ф. Александрова почему-то превращает в «принципиальный бой» большевиков и меньшевиков по вопросу об отношении к стачкам и, на основе своих собственных измышлений, приписывает Голубову непонимание отношения большевиков к экономическим требованиям.

Для «усугубления» обвинения и подкрепления своих вымыслов Александрова прибегает к грубой передержке. Она, во-первых, вовсе не упоминает в рецензии о предательском замысле меньшевиков и, во-вторых, рассказывая о голубовской трактовке вопроса о стачках, соединяет в одну две стачки, описанные в романе: одну, происходившую на передовом металлическом заводе в 1912 году, и другую, происходившую на сравнительно отсталой Охтенской мануфактуре в 1914 году, накануне войны. Разное время, разные обстоятельства, разные условия борьбы. Большевик Катасонов по опыту знает, что, начинаясь с пред'явления экономических требований, забастовки в накаленной варварской эксплоатацией атмосфере, как правило, переходят в политические. Поэтому он советует охтенцам «начинать с экономической стачки. А уж потом, как дело скажет, повертывать на политическую».

Соединив в своей рецензии первую стачку со второй таким образом, что читатель, не знающий романа, думает, будто речь идет об одной и той же стачке (хотя первая описана во 2-й, а вторая — в 6-й части романа), Ф. Александрова заканчивает свой фокус обвинением автора и его героев в «полной сумятице».

Нет возможности перечислить все многочисленные передержки и все факты историко-политического невежества, из которых состоит рецензия Александровой. Сама по себе эта рецензия, может быть, и не заслуживает столь пристального внимания. Однако тот факт, что рецензия одобрена и принята к печати редакцией почтенного журнала, несущей полную ответственность за невежество и недобросовестность критика, — это печальное обстоятельство заставило нас заняться Ф. Александровой.

Мы не считаем произведение С. Голубова безупречным. Внимательный и добросовестный критик, оценив достоинства романа, дающего широкую картину и живые образы дореволюционной России накануне первой мировой войны, заметит в произведении серьезные недостатки. Так, изображая деревню, писатель преувеличивает отсталость и темноту в ней, элементы стихийности в борьбе трудового крестьянства против кулаков и помещичьей эксплоатации. Настроение солдатских масс охарактеризовано поверхностно, автор совершенно опускает большевистскую пропаганду в войсках, получившую в период революционного под'ема широкое развитие. Наряду с правдивыми образами рабочих в романе есть и схематические персонажи из рабочей среды, введенные лишь для обозначения того или иного оттенка в рабочем движении. В изображении Никиты Лучинкина, Ликургова есть немало внутренних противоречий, нарушающих логику образов. Эти и другие недостатки дают материал для серьезной критики, помогающей автору и способствующей правильному пониманию читателем глубокого и серьезного содержания этого произведения. Но в том-то и беда, что Ф. Александрова не сделала обязательной для критика работы. Ее рецензия — свидетельство низкого теоретического уровня и недобросовестности работы некоторых наших критиков. Такого рода факты об'ективно препятствуют развитию нашей литературы. Именно поэтому они заслуживают сурового осуждения.

К 30-летию Великого Октября

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КНИГИ

З. ПАПЕРНЫЙ

Америка глазами Маяковского

Об увиденном в Америке Владимир Маяковский сказал образно и в то же время математически точно:

Я стремился
за 7000 верст вперед,
а приехал
на 7 лет назад.

Он писал это в 1925 году, на восьмом году революции. «Приехать на 7 лет назад» — это значило снова попасть в страшный мир капиталистического рабства, с которым Россия покончила в Октябре.

В Соединенных Штатах Америки Маяковский снова столкнулся лицом к лицу с царством «капитала — его препохабия». И снова ожили в его душе прежние образы — жгучие, гневные, сильные, но уже лишенные того безвыходно-трагического звучания, которое характерно было для его дореволюционной поэзии. Центральный среди них — образ Америки, огромной капиталистической тюрьмы. Ровные стриты и авеню Бродвея напоминают ему гигантскую «тюремную решетку». А в момент отплытия из Америки поэт заносит в свою путевую книжку: «Замахнулась кулаком с факелом американская баба-свобода, прикрывшая задом тюрьму Острова Слез».

Так была воспринята им гигантская бронзовая статуя — «чудо» XX века, символ американской «свободы». Поэт переосмысливает традиционный символический образ, словно выворачивая его наизнанку, и раскрывает грязную и страшную оборотную сторону заокеанской «свободы» и «демократии».

Меньше всего он походил на досужего туриста, который с восторженным испугом запрокидывает голову на многоэтажные громадины, благоговейно жмурится перед ослепительными огнями реклам и умиленно расхваливает американский сервис. Глазами Маяковского на капиталистическую Америку смотрела советская Россия. Он был как бы неофициальным представителем могучей социалистической державы, многомиллионного советского народа, и это давало ему необыкновенную силу и зоркость видения. Взгляд поэта проникает в самые темные уголки американской жизни, куда не доходит свет «бродвейской лампионии».

В «разбольшущем доме в Нью-Йорке» Маяковский разглядел

старейшие
норки да каморки —
совсем
дооктябрьский
Елец аль Конотоп

Словно мощным прожектором, осветил он жизнь американцев, «укрывшихся за каменный фасад». В этом плане заглавие стихотворения «Небоскреб в разрезе» не только не случайно, но внутренне закономерно и принципиально. За стеной небоскреба, неожиданно обнажившегося благодаря смелому поэтическому «разрезу», Маяковский увидел рабий, каторжный труд конторских клерков, дикое зверство «сэра», избивающего «свою законную миссис», жадность бизнесменов, наживающих темными путями миллиарды, голодную жизнь негра, который с крысами делит жалкие хлебные крохи.

По этому же принципу строится стихотворение «Порядочный гражданин». За гулким шумом элевейтеров чуткое ухо поэта ловит «хрип и кашель чахотки». Ханжеские гимны «армий спасения» во славу американской «добродетели» и «порядочности» не могут заглушить волчий вой «банды бесполых старух», катающих «грешницу» в смоле и в перьях.

Пресловутая американская «свобода» оказывается свободой наживы и угнетения; Америка — страной самой «передовой» по методам эксплоатации, царством всеобщей продажности. «Если даже косвенным давлением долларов можно победить должность, славу, бессмертие, — писал Маяковский в книге очерков «Мое открытие Америки», — то непосредственно положив деньги на бочку, купишь все».

И поэт последовательно срывает лживые маски с царства капитала, зло и гневно смеется и издевается над иллюзиями обывателя.

Буржуазная демократия? Но «если выборы в руках, — понимаете сами — трудно ли обзавестись нужными голосами?!»

Всеобщее равенство? Писатель сатирически называет американский пароход своеобразной «моделью» капиталистического государства с его социальной иерархией и несправедливостью: «Классы — самые настоящие... Первый класс тошнит, куда хочет, второй — на третий, а третий — сам на себя».

Свобода печати? Но «газеты в целом проданы так прочно и дорого, что американская пресса считается неподкупной».

Искусство? Оно находится в лакейском услужении у «долларовых воротил».

Эстетика? За каждым украшением, за каждой новинкой моды стоит фирма, до хрипоты рекламирующая свой товар. «Если перед вами идет аскетический спор о женской красе и собравшиеся поделились на два лагеря — одни за стриженых американок, другие за длинноволосых, то это не значит еще, что перед вами бескорыстные эстеты. Нет. За длинные волосы орут до хрипоты фабриканты шпилек, со стрижкой — сократившие производство; за короткие волосы ратует трест владельцев парикмахерских, так как короткие волосы у женщин привели к парикмахерам целое второе стригущееся человечество».

Любовь? Но это слово меньше всего подходит для «деловых» отношений бизнесмена с женщиной.

В одном из очерков Маяковский писал: «Если американец едет с дамой, евшей с ним, он целует ее немедля и требует, чтобы она целовала его. Без этой «маленькой благодарности» он будет считать доллары, уплаченные по счету, потраченными зря и больше с этой неблагодарной дамой никуда и никогда не поедет, — и саму даму засмеют ее благоразумные и расчетливые подруги».

Маяковский стремится преодолеть и разрушить традиционный образ янки — этакого добродушного, спокойного человека, безукоризненно вежливого, благожелательного, попыхивающего неизменной трубкой.

Таких совсем нет, — заявляет он.

«Американцем называет себя белый, который даже еврея считает чернокожим, негру не подает руки: увидев негра с белой женщиной, негра револьвером гонит домой; сам безнаказанно насилует негритянских девочек, а негра, приблизившегося к белой женщине, судит судом Линча, т. е. обрывает ему руки, ноги и живого жарит на костре».

Такой американец не пустил бы сейчас Пушкина «ни в одну «порядочную» гостиницу и гостиную Нью-Йорка. Ведь у Пушкина были кучравые волосы и негритянская синева под ногтями».

С едкой, разоблачительной иронией Маяковский пишет о «мирной» внешней политике США, утверждаемой на деле «силой, дредноутами и долларами».

«Только за одно мое короткое трехмесячное пребывание американцы погромыхивали железным кулаком перед носом мексиканцев... посылали отряды на помощь какому-то правительству, прогоняемому венецуэльским народом; недвусмысленно намекали Англии, что в случае неуплаты долгов может затрещать хлебная Канада, того же желали французам, и перед конференцией об уплате французского долга то посылали своих летчиков в Марокко на помощь французам, то вдруг становились марокканцелюбцами и из гуманных соображений отзывали летчиков обратно. В переводе на русский: гони монету — получишь летчиков».

Знакомые приемы! Немногое нужно изменить в этом великолепном отрывке, чтобы охарактеризовать политику сегодняшней трумэновской Америки, которая точно так же «погромыхивает железным кулаком», посылает отряды на помощь антинародным правительствам и предоставляет щедрую помощь долларами в обмен на... государственный суверенитет!

Так последовательно разоблачал поэт темное царство доллара, срывая «все и всяческие маски» с «капитала — его препохабия».

С точки зрения старого негра, чистильщика обуви Вилли (стихотворение «Блек энд Уайт»), весь мир окрашен в два цвета: белый и черный.

Белый
ест
ананас спелый,
черный —
гнилью моченый.
Белую работу
делает белый,
черную работу —
черный.

И только один вопрос, «закорюка из закорюк», мучил старого Вилли, нарушая «ясность» и четкость социального порядка:

Почему и сахар,
белый-белый,
Должен делать
черный негр?

Вместо ответа он получает страшный удар по лицу от «белейшего» сахарного короля. Алая кровь заливает черное лицо Вилли, капает на его белую одежду.

Так появляется третий цвет в этом мире строгой социальной разграниченности — цвет крови, цвет революции...

Революция была для Маяковского больше, чем темой. Маяковский-поэт был рожден революцией, могучей революционной бурей, о которой писал Ленин: «Буря, это — движение самих масс». В стихотворении «Атлантический океан», написанном на борту парохода, поэт раскрыл нам мысли и чувства, владевшие им на пути в Америку. Это, прежде всего, мысль о революции.

Безбрежный простор, бегущие по бортам «водяные глыбы, огромные, как года», тревожное гудение и грохот океана — все это напоминает поэту о еще более грандиозной и могучей силе — о революции. Ему, современнику и участнику великих «октябрьских бурь», сыну могучего и вольного народа, по душе размах и простор океана:

Во век
твой грохот
удержит
ухо.
В глаза
тебя
опрокинуть рад.
По шири,
по делу,
по крови,
по духу —
моей революции
старший брат.

И оскорбительно-жалкой, недостойной кажется жизнь американца — буржуа и обывателя — в сравнении с океанской ширью и мощью революции.

Отсюда неизбежное рождение темы двух миров — широкого, вольного, светлого мира социализма и узкого, сдавленного, тюремного мирка буржуазного общества.

С чувством величайшего превосходства советского человека говорит поэт о людях, взращенных этим буржуазным мирком.

Посаженная в магазин для рекламы 17-летняя мисс, с ее убогим «идеалом», не идущим дальше бесплатного «стола и квартиры» да «красивого и толстого» жениха («Барышня и Вульворт»); буржуа — обыватель, о котором поэт пишет с нескрываемым презрением:

Мистер Джон,
жена его
и кот
зажирели,
спят
в своей квартирной норке,
просыпаясь
изредка
от собственных икот.
(«100%»).

— все это люди, у которых жизнь в капиталистической стране отняла большое, настоящее человеческое счастье, подсунув взамен его убогое и жалкое, фальшивое, обывательское «счастьице».

Однако Америка «долларовых воротил» и зажиревших обывателей Джонов не заслонила от поэта другой, рабочей, демократической Америки, с ее миллионами «маленьких людей», честных, но бесправных тружеников — черных и белых. Вспомним старого негра Вилли из «Блек энд Уайт» или голодного бедняка Тома («Сифилис»). Вспомним, наконец, американских комсомольцев из «Кемпа «Нит гедайге», чья революционная песня «Мы смело в бой пойдем» врывается ракетой в «угрюмый и темный мир».

Нет единой и неделимой Америки, утверждает Маяковский. Есть Америка долларов, наживы и агрессии, «ханжества, центов и сала», и есть Америка труда и борьбы, честных и искренних сторонников мира и свободы, верных друзей Советского Союза.

Маяковский сделал верный и решительный вывод о «двух Америках», который будет затем подтвержден многими советскими писателями, побывавшими в Америке, — от Ильфа и Петрова («Одноэтажная Америка») до К. Симонова, («Русский вопрос»).

* * *

Чем больше разгоралось в душе поэта чувство гнева и презрение к «царству доллара», тем с большей силой охватывала его могучая и нежная сыновняя любовь к советской родине-матери.

Домой! — этим словом поэт, как всегда, удивительно точно выразил свою любовь к родной стране. Огромная социалистическая держава представляется ему большим и светлым домом, где одной семьей живут родные, близкие, советские люди.

Образ родины естественно и закономерно венчает собою американский цикл. Именно в стихотворении «Домой», этом поэтическом итоге всего цикла, звучат незабываемые слова о коммунизме («Нет мне без него любви»), о счастье советского человека, о почетной и славной «работе стихов» в советской стране, о великом Сталине.

* * *

Заканчивая свою книгу «Мое открытие Америки», Маяковский писал:

«Может статься, что Соединенные Штаты сообща станут последними вооруженными защитниками безнадежного буржуазного дела, — тогда история сможет написать хороший, типа Уэльса, роман «Борьба двух светов». Цель моих очерков — заставить в предчувствии далекой борьбы изучать слабые и сильные стороны Америки».

Поэт видел тяжелые грозовые облака, заволакивавшие горизонт мира. «Через горы времени» он устремлялся к нашему дню.

И свою книгу об Америке он писал не только для настоящего, но и для будущего, то-есть для нас. Он хотел помочь родине в предстоящем труде и борьбе.

Стихи и очерки Маяковского об Америке написаны свыше двадцати лет назад. Перечитывая сегодня эту изумительную книгу, мы с благодарностью думаем о нашем неумирающем современнике, о поэте-оруженосце великого советского народа; мы с уважением ощупываем «железки строк», как «старое, но грозное оружие».

Родина наша идет к новым победам. Владимир Маяковский шагает с нами рядом.

К. ПОЛОНСКАЯ

Книга о Достоевском

Творчество Достоевского сложно и противоречиво. Писатель сталкивает в одном и том же романе людей, которые с глубокой и страстной убежденностью отстаивают диаметрально противоположные решения основных жизненных вопросов.

Это давало основания читателям и исследователям Достоевского совершенно поразному воспринимать его творчество: одни видели в нем атеиста, бунтаря, революционера, подрывающего все основы буржуазного общества, другие — реакционера, апологета самодержавия. В частности иррационализм Достоевского был использован идеалистами и мистиками всех сортов.

Творчество Достоевского — огромная сила. Эту силу нам следует понять и оценить. Нельзя отдавать Достоевского мистикам и реакционерам, которые превращают в догму его слабые стороны. Изучая наследство великого писателя, нужно отделить его реакционную апологию терпения, покорности и страдания от его страстного протеста против социального зла.

Основное достоинство работы В. Кирпотина в том, что автор все время рассматривает творчество Достоевского в его противоречивости и — одновременно — единстве. В работе В. Кирпотина нет той непреодолимой пропасти между молодым и зрелым Достоевским, о которой столько писали прежние исследователи. В. Кирпотин, конечно, не отрицает перелома в мировоззрении Достоевского, но устанавливает, что и в раннем периоде творчества, в 40-е годы, наряду с глубокой верой в бедных людей, в несчастьях которых повинен существующий порядок, у писателя «проскальзывали ноты сомнения в человеке».

Исследователь не просто переводит писателя из революционного стана в лагерь реакции, как это часто делалось, он учитывает диалектическую сложность творчества Достоевского. Своим анализом он убеждает, что и после того как Достоевский перестал верить в революцию, он все же продолжал ощущать справедливость своих юношеских идеалов, «причем начало социального протеста, заложенное в лучших созданиях Достоевского, оказалось сильнее, чем ошибочные и даже реакционные выводы, к которым он стал стремиться как мыслитель».

Противоречивость Достоевского находит свое выражение и в частом разрыве между замыслами писателя и их художественным осуществлением. В. Кирпотин правильно отмечает различие между реакционными тенденциями Достоевского в «Униженных и оскорбленных», в «Преступлении и наказании», в «Идиоте» и тем, иногда даже революционным, восприятием его произведений передовым читателем, которое было совершенно неожиданно для самого Достоевского, хотя в произведениях его имелись все основания для такого толкования. Нам представляется, что эти противоречия следовало бы показать и на материале «Братьев Карамазовых». Надо было бы сказать о том, что здесь Достоевский, желая утвердить победу старца Зосимы, в то же время показывает действительную победу атеистических и бунтарских доводов Ивана Карамазова, которые выражены с большей художественной убедительностью, чем реакционные элементы в рассуждениях того же Ивана Карамазова. Следовало и здесь подчеркнуть противоречивость Достоевского, который заставил своего положительного героя Алешу, последователя учения о том, что зло должно быть побеждено смирением и любовью, потребовать расстрела генерала, затравившего мальчика собаками.

Иногда автор, говоря о молодом Достоевском, омешивает свое восприятие его произведений с замыслами самого Достоевского, что приводит к излишнему революционизированию мировоззрения Достоевского 40-х годов. В. Кирпотин своеобразно интерпретирует такие произведения, как «Белые ночи» и «Неточка Незванова», раскрывая в них новые стороны. Однако трудно согласиться с авторским толкованием замысла «Неточки Незвановой», как перехода от пассивного мечтательства к активному героическому делу, чуть ли не к революционной борьбе. Даже в 40-х годах многое отделяло Достоевского от Герцена и Белинского, и нельзя ставить их в один ряд. Это несомненное преувеличение.

В. Кирпотин прав, конечно, когда он пишет о потере у Достоевского веры в революцию. Но здесь обязательно надо было учесть разочарование Достоевского в результатах буржуазной революции 1848 года на Западе. То немногое, что сказано о «Записках из подполья» без ссылок на влияние 1848 года, кажется нам несколько однобоким.

Однако эти возражения не изменяют общей положительной оценки работы, в которой творчество одного из корифеев критического реализма XIX века рассмотрено во всей своей противоречивости и в тесной связи с идейной борьбой его эпохи.

В. Кирпотин. Ф. М. Достоевский. «Советский писатель», 1947, 70 стр.

М. МАТУСОВСКИЙ

Мадам де Курдюкова о Павле Тычине

Всем известна мятлевская мадам де Курдюкова — большая любительница произносить по всякому, да и без всякого повода «красивые» иностранные слова. О чем бы ни зашел разговор, обязательно ни к селу и ни к городу влепит она французское словечко. Вот как она, обычно, из'ясняется:

Же не ди па: ла каша
Манная, авек де пенки,
Ла морошка, лез' опенки,
Поросенок су ле хрен,
Ле кисель э ле студень.

Эта почтенная дама невольно приходит на память при чтении брошюры Льва Озерова, посвященной творчеству поэта Павла Тычины. Речь идет о крупнейшем и своеобразном украинском поэте, судьба и творчество которого всеми корнями уходят в родную землю.

Отдав дань Павлу Тычине, как поэту, который воплощает в себе лучшие черты своего народа, Озеров сразу же спешит оговориться, что этого всего мало для того, чтобы «понять работу Тычины всесторонне, во всех ее взаимосвязях, во всем об'еме». «Поэтические достижения Тычины, — пишет Озеров, — нужно сравнивать с работой Маяковского, Галактиона Табидзе, Исаакяна, Шварцмана и других. Но следует говорить и шире: с творческими завоеваниями польского поэта Юлиана Тувима, американского — Карла Сенберга, французского — Поля Валери, немецкого поэта-антифашиста Иоганнеса Р. Бехера. Тычина в этой связи встает перед нами в новом свете».

Сопоставление творчества украинского поэта с творчеством Маяковского и других советских и прогрессивных западных поэтов никак не может удовлетворить критика, и поэтому, стремясь «к широте и всесторонности», он начинает валить в одну кучу самых различных иностранных писателей. Непонятно, прежде всего, зачем нужно было делать такие сравнения, но, если уж критику взбрело это в голову, то с какой стати сравнивать Тычину с рафинированным эстетом Полем Валери?!

Говоря далее о музыкальности, свойственной стихам Тычины, о мелодичности, которая, конечно же, идет от народной песни, от думы и сказа украинских лирников, от поэзии Шевченко, у которого многому научился Тычина, Озеров пишет: «Можно сказать, что стихия музыки выпестовала его поэзию. Вспоминаются слова Мармонтеля о Метастазио (так-таки сразу и вспоминаются! — **М. М.**), который расставлял фразы, паузы, счет и все частицы своих арий, словно он их сам пропел».

Павло Григорьевич Тычина — глубоко народный поэт. По его книгам можно проследить всю историю Советской Украины от первых дней революции (книга «Плуг»), строительства и расцвета нашей родины («Партия ведет», «Чувство семьи единой»), Великой Отечественной войны («Побеждать и жить!») и до нынешних дней.

«Забудешь край родной — иссушится твой корень», — вот основной мотив многих и многих стихотворений замечательного советского кобзаря. Как же можно после всего этого писать о Тычине следующее: «Сочетание тонкого и чуткого лиризма с революционным пафосом — явление чрезвычайно редкое. У Тычины мы встречаемся с ним. Утонченность Мюссе и Верлена породнилась в нем с прямолинейностью и лозунговостью Барбье и Вайнерта».

С претензией и манерностью (восполняющей, очевидно, недостаток смысла) автор щеголяет именами западноевропейских писателей; теряя голову от благоговения и низкопоклонства перед всем иностранным, он послушно следует за самыми неожиданными, почти бредовыми скачками своей мысли: от Вайнерта — к декаденту Верлену, от Маяковского — к Полю Валери, от Тычины — к Мармонтелю и Метастазио!

Поистине — курдюковская «ла каша авек де пенки»! Вот что может наговорить госпожа де Курдюкова, если вздумает писать об украинской поэзии!

Л. Озеров. «Павло Тичина». Спілка радянських письменників України. 1944.

35-летие со дня смерти Мамина-Сибиряка

СВЕРДЛОВСК. (**От наш. корр.**). Здесь создан комитет по чествованию памяти писателя Д. Мамина-Сибиряка, 35-летие со дня смерти которого исполняется в ноябре текущего года.

В состав комитета вошли председатель исполкома горсовета В. Жихарев, секретарь горкома ВКП(б) по пропаганде и агитации Д. Чесноков, писатель П. Бажов, директор научной библиотеки Государственного литературного музея Б. Удинцев и др.

15 ноября в Свердловске откроется конференция, посвященная жизни и творчеству Мамина-Сибиряка. На конференции будут заслушаны доклады на темы «Фольклор в творчестве Мамина-Сибиряка», «Мамин-Сибиряк и современность», «Творческая история романа «Три конца», «Драматургия Мамина-Сибиряка» и др.

С. НАГОРНЫЙ

По страницам журнала «Октябрь»

Следует отметить, прежде всего, что в нынешнем году журнал «Октябрь» составляется с учетом многообразия читательских интересов и запросов.

Содержание номеров действительно соответствует подзаголовку: «Литературно-художественный и общественно-политический журнал». Явления роста, характерные для современного состояния советской литературы, нашли свое отражение в «Октябре». Большинство произведений прозы, поэзии, публицистики звучит актуально.

Несомненное достижение «Октября» — научный отдел. Статьи: А. Александрова «Гуманная цель» (об оживлении организмов), академика Н. В. Цицина «Пути скрещивания растений», академика Г. М. Кржижановского «Энергетика и ее будущее», Л. Фридланда «Рассказы о больших находках» (о работах физиолога Л. Штерн), Ю. Жданова «Воздействие человека на природные процессы» — обогащают читателей новыми знаниями. Но не только и, может быть, не столько в этом их значение. Рассказ академика Н. В. Цицина о творческих усилиях, «направленных к скорейшему и революционному переустройству растительного мира», равно как и приведенные в статье Л. Фридланда примеры исправления человеком «ошибок природы», имеют незаурядное воспитательное значение. В том интересе, с которым читаются у нас статьи о науке, заключено нечто неизмеримо большее, чем только одна любознательность. Это интерес к насущнейшим вопросам бытия советского общества, к тем перспективам, которые растущая наука создает для него своими поисками и открытиями.

Очерку в «Октябре» уделено значительное место, и хотя произведения этого жанра, представленные в журнале, не все равны по своим достоинствам, сегодняшняя жизнь страны рисуется в них правдиво и верно: как широкое поступательное движение, как реализация близких и дорогих каждому советскому человеку грандиозных планов сталинской пятилетки. Особенно хочется отметить работу Мириэтты Шагинян «По дорогам пятилетки». Редкая наблюдательность и всесторонняя осведомленность сделали ее очерк крайне интересным и емким по содержанию.

Бесспорное достоинство журнала в нынешнем году — серьезный международно-политический отдел. Работы И. Ермашева, Б. Изакова, очерк Б. Криницкого о Китае, отрывки из книги Ф. Ландберга (перевод с английского) — все это читается с интересом.

В поэтическом разделе «Октября» регулярно печатаются стихи молодых поэтов. Это большая заслуга журнала. Правда, отбираются стихи не всегда достаточно тщательно. Не все они радуют читателя.

Заметно выделяются самобытные и новые по всему духу своему стихи Николая Тряпкина. В его цикле с таким прозаическим названием «Трудодни» звучит голос действительного таланта. Н. Тряпкин — один из тех, кто своим творчеством участвует в формировании новой колхозной лирики. Общественный труд, преобразование природы, ощущение прочности нового строя деревенской жизни — таковы ее естественные темы.

К числу крупных достижений журнала следует отнести появляющиеся в каждом номере большие циклы образцов поэзии братских советских народов. В семи номерах напечатано семь циклов — украинский, белорусский, грузинский, армянский, литовский, латышский, азербайджанский. Какие это богатства, какое здесь разнообразие индивидуальностей, красок, ритмов! И в то же время — как волнует и радует картина духовного богатства этих поэтических культур! Это — поэзия, исполненная оптимизма, веры в человека, это поэзия людей и народов, твердо стоящих на земле, отвоеванной для счастья.

* * *

В статье «Задачи литературной критики», напечатанной в № 7 «Октября», А. Фадеев пишет, что «основным и главным, решающим звеном» в творчестве советских писателей «является показ во всей полноте и силе нашего советского человека и его моральных качеств».

Если подойти к художественной прозе «Октября» за нынешний год с точки зрения сформулированной таким образом задачи, то прежде всего нужно отметить роман Михаила Бубеннова «Белая береза», первая книга которого напечатана в №№ 5, 6 и 7 «Октября».

Был в деревне Ольховке молодой крестьянин Андрей Лопухов. Парень сильный, добрый, чуть наивный. Без сомнений и тревоги глядел он в будущее. Женился он по любви и был счастлив. Счастье казалось прочным и надежным. Кому дается счастье — честному? Он честен. Работнику? — Ну, работы он не боится. Этот мир устроен на справедливых началах, — Андрей Лопухов должен быть в нем счастлив.

Роман начинается с осеннего дня 1941 года, когда батальон, в котором служит красноармеец Андрей Лопухов, отступая, входит в Ольховку. Все, все рухнуло! Где ты, мирное счастье Андрея Лопухова? Завтра, может быть, здесь будут немцы. Прощай, Ольховка, прощайте, белые березки, мать родная — прощай... И любимая жена — прощай. «Андрей взял Марийку за руки. Лицо у нее было спокойное и строгое, как все это утро, но теперь на нем выступал румянец. Она долго смотрела на Андрея, не отрывая взгляда; в ее темных глазах мелькали отблески солнца, неба и пролетавшей мимо багряной листвы. Наглядевшись на Андрея, она опустила глаза и сказала тихо и просто:

— Ну, все, Андрюша. Все, родной!

Андрей порывисто притянул ее к себе:

— Марийка, ласточка моя!

— Теперь иди! — у нее едва шевелились губы...»

Батальон ушел дальше на восток. Тоска и отчаяние в душе Андрея. «До каких же пор отступать? — подумал он. — До каких мест? Вот встать тут и стоять!» Он начал часто со всей силой бить лопатой в землю».

Но нет, чтобы победить, мало этого горького чувства разлуки и тоски. Суровую школу должен еще пройти Андрей. Это школа ненависти и бесстрашия. Добродушного и чуть наивного крестьянского парня она превратит в солдата.

Когда остатки полка, отступая, ночью переходят в брод речку, которая является рубежом родных, знакомых Андрею с детства мест, в душе его зарождается тревожное и боязливое чувство. «Мир на этой стороне теперь был страшен для Андрея, но все же давно знаком и пройден насквозь; мир на той стороне загадочен, наполнен таинственной тьмой и неизвестностью.... Что ждет его за этой рекой? Андрею показалось, что позади опять очень внятно раздался голос отца:

— А вернешься ли?»

Андрей Лопухов мужал на войне. Природный ум, сила, чувство любви, честность, душевное благородство — все это обострялось в нем, умножалось в грозных испытаниях военной поры.

Полк Андрея, отступая с боями, дошел до подступов к Москве. Дальше отходить нельзя было. Первая книга романа заканчивается в момент, когда только что отгремело сражение. Андрей озирал поле недавнего боя. «Непомерную усталость и тяжкую боль заглушало в нем несказанно приятное ощущение какого-то особого счастья. Андрей не мог понять, когда и почему появилось это ощущение, но точно знал, что он испытывает его впервые в жизни...».

Вдруг он заметил, что «среди этого страшного поля, где целый день с неистовой силой бушевали огонь и железо, где все было попрано смертью, на небольшом голом пригорке, как и утром, стояла и тихо светилась в сумерках одинокая белая береза.

— Стоит? — изумленно прошептал Андрей.

И Андрею показалось необычайно значительным, полным глубокого смысла, что вот здесь, на открытом месте, в таком жестоком бою, выжила эта береза — красивое, песенное дерево, самое любимое в нашей стране...

И еще сильнее почувствовал Андрей то счастье, что пришло к нему впервые в жизни. Но теперь он знал: это — счастье победы...»

Вот это ощущение после напряженного и опасного боя лучше всего говорит о том, какая духовная сила раскрылась в Андрее в дни войны. Когда мы познакомились с ним, он в тоске и муке прощался с Ольховкой. Казалось, все, что способно радовать, все, что дорого, — оставил он там. Но дальше, хотя не уменьшалась, а, может быть, острее с каждым днем становилась тоска по Марийке, начала обнаруживаться его способность ощущать счастье, необъятно широкое — то счастье, которое приходит к человеку, когда он самозабвенно борется за справедливое, за правое дело. Оказалось, его духовный мир способен уместить в себе не только маленькую Ольховку и полк с товарищами, но и поля Подмосковья, и Москву, откуда перед самым боем радио донесло негромкие слова вождя, — словом, всю Родину с ее муками и борьбой.

Широта сознания этого крестьянского юноши, его душевное благородство, сила духа говорят о том, что перед нами совершенно новый человеческий тип. Это советский крестьянин-колхозник. Множество книг написано о крестьянской психологии, но ни в одной из них, если взять всю мировую литературу досоветского периода, не мог Михаил Бубеннов заимствовать черты своего героя. Он смог увидеть их только в новой жизни, в которой народился и возмужал новый прекрасный человек. «Белая береза» — еще один пример подлинного новаторства советской литературы.

Первая книга романа рисует самую трудную пору Отечественной войны — осень 1941 года. Она со всей беспощадной, поистине суровой, правдивостью показывает, через какие муки прошел наш народ, какие трудности поборол, сколько душевной силы и стойкости проявил он перед лицом смертельной опасности. Преодоление трудностей Михаил Бубеннов рисует как процесс, в котором миллионная народная масса закаляется и сплачивается для борьбы. Отдельные чуждые, случайные элементы, притаившиеся в ней, обнаруживаются и отпадают. Шкурник гибнет, приговоренный суровыми законами войны; человек, не изживший в себе хищных инстинктов собственничества, оказывается пособником фашистских палачей, врагом колхозного общества... Это — единицы, и то, что они обнаруживают себя и отпадают, как мертвое отпадает от живого тела, — ведет лишь к большему укреплению единства и воли народа.

* * *

Так же, как в романе М. Бубеннова, в повести Семена Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды», главным героем является молодой человек — крестьянин. Сергей Тутаринов, как личность, нисколько не похож на Андрея Лопухова. Сергей — человек резкий, решительный, со всеми задатками крупного организатора и вожака. Окончилась война, и Сергей вернулся на Кубань, в родную станицу. Война многому его научила, она как бы ускорила развитие этого юноши. Вот почему он оказывается во главе колхоза. Смелость, энергия, деловитость в сочетании с бескорыстием, скромностью и душевной романтической устремленностью создают обаяние этого характера. Сергей по-хозяйски свободно совершенствует и обновляет жизнь. План, организация, коллектив, созидание — все это его родная стихия, к которой не приходится ему ни привыкать, ни приспосабливаться. Попробуйте мысленно перенести Сергея Тутаринова из обстановки сегодняшней деревни, где он находит достойное применение своему уму, таланту, творческой фантазии и деловой энергии, — в обстановку единоличного крестьянского хозяйства, в исконную деревенскую глухомань. Это невозможно сделать никаким усилием воображения. Тутариновы — плоть от плоти нашего времени, их родила и воспитала великая эпоха социализма.

Движение жизни явственно ощущается в повести. Мы вместе с ее героями заглядываем туда, куда движется жизнь, — в близкие уже годы всестороннего расцвета и изобилия. Хозяйственные планы колхозников, их горячие споры об электростанции, коневодстве, садах, огородах — все это передает подлинный пафос колхозного труда. Перед нами — по-настоящему современное, живое произведение.

* * *

Роман Тихона Семушкина «Алитет уходит в горы» относится к эпохе 20-х годов. Но книга эта чрезвычайно современна и поучительна. Перед нами вся «хитрая механика» обмана и угнетения, применяемая «цивилизованными» гангстерами колониальной империалистической политики. Достаточно взглянуть сегодня на газетный лист, чтобы увидеть, как в разных концах земли действуют такие же рыцари доллара, как капитан-пират Гарри Браун и Чарли Красный Нос.

Книга увлекательно повествует о первых днях нового, советского строя жизни на далекой окраине. Светлая заря едва только занялась над сумрачным чукотским берегом. Но мы уже знаем, она предвещает народу, который был обречен на вымирание, большой яркий день, светлую жизнь в советской семье народов.

* * *

Только действительное знание жизни и сознательное ее восприятие позволяют авторам «Белой березы» и «Кавалера Золотой Звезды» увлечь нас ощущением реальности событий и образов, а тем самым — внушать героическую идею, лежащую в основе замысла.

К сожалению, этого не скажешь о второй книге романа «Борьба за мир» Ф. Панферова, напечатанной в первых трех номерах «Октября».

Ошибки и неточности, допущенные Ф. Панферовым в описании фронтового быта и военных действий, уже отмечались. Можно многое прибавить к тем замечаниям, которые сделал в своей статье о «Борьбе за мир» генерал-полковник А. Боголюбов («Культура и жизнь» № 18). В романе Ф. Панферова сказано, например, что пехотный полк имеет в своем составе авиацию; что герой книги подкатывает к стрелковым ячейкам переднего края на автомобиле; что командующий армией оставляет постороннего «штатского» товарища наедине с картой, на которую нанесен план армейской операции; что красноармеец в присутствии командира дивизии осаживает своего начальника: «Потрепался и хватит, товарищ лейтенант», и командир дивизии этому даже не удивляется... Иногда эти несообразности комичны, иногда печальны, а все вместе они лишают произведение достоверности. Если бы дело было только в деталях военного быта, в «специфике» армии, то мы, как это принято, заговорили бы о консультанте и редакторе. К несчастью, сомнение вызывают люди — наши современники, выведенные в романе.

«— Дядя Петя! — спросил Коленька, молодой боец, долго и пристально рассматривающий немцев. — Мне дедушка говорил, когда я на фронт пошел, будто у них, у немцев, рога?..».

Командир дивизии Михеев спрашивает красноармейца, только что взявшего в плен немецкую боевую машину:

— «Кто? Кто это сделал?

— Я, — не сразу, нарастяжку ответил, чего-то перепугавшись, Сиволобов и, чтобы не подводить своих дружков, еще раз сказал, уже поднявшись из «кувшинчика», отдавая честь: — Я, товарищ полковник!

— Ай-яй-яй! — вскрикнул Михеев и кинулся к «газику»!..

— Может, мы чего не так сделали, не по инструкции? — недоуменно спросил своих дружков Сиволобов...».

Очень любит Ф. Панферов подчеркнуть, что солдат наш — простяга, этакий «немудрящий мужичонка». Ему-де и невдомек, какие-такие имеются инструкции, он, мол, из таких медвежьих дебрей явился, где сидят доисторические деды и рассказывают внукам, что немец рогат...

Этот человек не думает, он «мозгой шевелит». Увидев трупы убитых немцами товарищей, он советует: «Ты вот что, — прикрой душу заслонкой, а то с ума спятишь... Нет, ты скажи себе: «Убитый здесь — все одно, что самовар на столе там, дома».

Пренебрегая подлинной жизнью, Ф. Панферов создает свой собственный, выдуманный мир. Так возникает рефлексирующий, томящийся, всему удивляющийся «гость на войне» — мнимый инженер и директор завода Николай Кораблев. Его сравнивали с Пьером Безуховым. Но Пьер на Бородинском поле, в общении с «простыми» людьми искал ответов на вопросы, мучившие его. А Кораблев? Он приезжает на фронт, чтобы разыскать жену, оставшуюся в оккупированном районе. Впервые приближаясь к фронту, он «слышит свое сердце: оно бьется энергичными, жизнерадостными толчками, а все тело наливается мужской силой, ожидающей и тоскующей...».

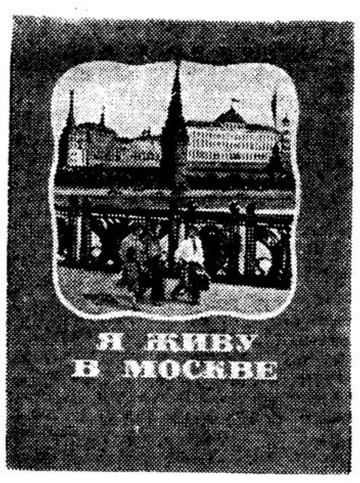
Напоминаю: жена Кораблева не на курорте, она там, где советских людей убивают, пытают, морят голодом. «Мужская сила» играет в Кораблеве. Ему чудится: «И вот он уже рядом с Татьяной. Нет, не Николай Кораблев, а мужчина... даже мужик, несущий в себе всю мощь своих предков. Он подхватывает Татьяну на руки...» и т. д. и т. п. Как можно не почувствовать кощунственной грубости всего этого?

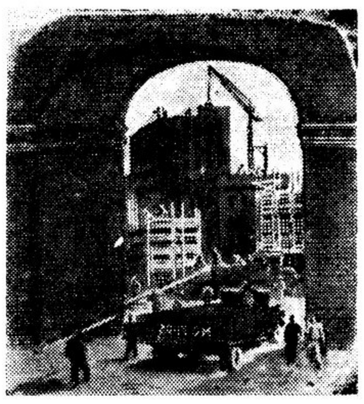
Автор безнадежно компрометирует героя в глазах читателя уже одним тем, что отводит ему неприглядно пассивную роль в грозные дни войны.

На фронте Кораблев попадает в среду высших офицеров Советской Армии. Их быт, их характеры в романе — это быт и характеры празднеболтающих, угодничающих перед начальством, поигрывающих по мелочи в картишки и по мелочи философствующих обитателей какого-нибудь захудалого гарнизона старой армии. Нет никаких сомнений, что Ф. Панферов стремился изобразить правдивую картину Великой Отечественной войны. Писатель сделал попытку решить благородную и одну из труднейших задач — рассказать о Курской битве. Его неудача, мне кажется, об'ясняется, прежде всего, незнанием жизни. В этом смысле она поучительна.

* * *

Нельзя в обзоре семи номеров толстого журнала сказать обо всем, что хорошо и что плохо. Поэтому я, в частности, не остановился на незаконченном печатанием романе Г. Коновалова «Университет». Но сказанного выше, повидимому, достаточно для общей оценки. Журнал — на под'еме, как на под'еме наша литература, все более смело и талантливо решающая главную свою задачу — изображение героя современности, человека советской страны. Однако «Белая береза» и вторая книга романа Ф. Панферова помещены рядом. Успехи и неудачи журнала одинаково свидетельствуют о том, что только знание жизни, являющееся результатом активного в ней участия, дает художнику средства для воплощения его замыслов. И редакции и писателю Ф. Панферову следует, мне кажется, сделать этот необходимый вывод.





Обложка и иллюстрация работы худ. А. Ермолаева к книге А. Барто «Я живу в Москве». (Детгиз).

◇ ◇ ◇

Л. ДМИТРИЕВ

Поэт и его комментатор

В годы войны, в период Сопротивления, поэзия Арагона, уйдя в подполье, боролась с оккупантами, — и какими бы именами поэт ни подписывал свои произведения, его голос звучал, как голос всех непокоренных французов, как голос Франции.

Любовь к родине, вера в то, что Франция не покорится, не согнется, — лейтмотив всей поэзии Сопротивления. Французская поэзия оказалась в грозовой атмосфере исторической борьбы; в этой атмосфере чисто и сильно звучали голоса только тех поэтов, которые были вместе с народом, вместе с борцами Сопротивления. Эти поэты положили начало возрождению французской поэзии. И более, чем к кому бы то ни было, это относится к Арагону. Его поэзия вобрала в себя все чувства французского сердца — боль и печаль, нежность и любовь, горе и ненависть, смелость борца и патетику трибуна. Она вобрала в себя оттенки неба Франции и цвет любимых глаз, верность и силу духа Габриеля Пери и вольность летнего ветра, которым, точно паруса, наполнены яблони в цвету. За гордой «Балладой о том, как поют под пытками» и героической народной песней:

Встань, народная сила былая,
Пой, народная наша душа! —

следуют задорные, типично французские песни с рефреном: «Песня об осаде Ла-Рошели», «Карманьола» («И Петэнов и Лавалей — всех на фонари!») и прозрачная любовная лирика:

Ревную к каплям дождевым,
Когда они тебя целуют...

Эта полнота слияния поэзии с жизнью, эта содержательность широкой, всеобъемлющей мелодии не осуществимы без высокой идейности поэта. Преданность родине, вера в силу человека, уважение к нему и порожденная этим уважением, этой верой гордая требовательность к человеку («Пусть примером нам русское мужество служит»), уверенность в близости освобождения, в близости **французской зари**, которую поэт призывал, — вот то **организующее начало**, благодаря которому поэзия Арагона последних лет стала такой целостной и гармоничной. В ответ немцам, коллаборационистам, предателям, в ответ всем, кто сеял во Франции микробы слабости, хаоса, распада (от «распада» индивидуального сознания до распада национального сознания), — в ответ этим темным силам Арагон поднял знамя непокоренной французской поэзии—смелой, горько-правдивой и оптимистической, страстной, воодушевляющей друзей, разящей врагов, непримиримой, — он поднял это знамя как символ нравственной силы, несгибаемости всех верных сынов Франции.

Неудивительно, что именно Арагон, поэт-коммунист, возглавил современных свободолюбивых, подлинно национальных французских писателей: уже в годы Народного фронта и Мюнхена его имя стало таким же всенародно известным, как имя Барбюса; уже тогда было ясно, что подлинно национальным писателем может быть только писатель, верный передовым идеям века; мюнхенцы, с которыми боролся Арагон, пришли к низкопоклонству перед черной фашистской идеологией, к предательству, раболепству перед гитлеровцами.

Перед нашими современниками Арагон предстает не только как яркая поэтическая личность, как замечательный мастер стиха, овладевший лучшими традициями французской и мировой поэзии и создающий новую французскую передовую поэзию, но и как большой деятель культуры. Арагон последовательно борется с модными ныне во Франции метафизиками, принижающими человека, с сочинителями пессимистических «мифов» о «трагическом гуманизме», с теми, кто туманно и лукаво вещает о «благодетельности» появления созвездия «атлантической культуры», в котором для французского народа намечено положение звезды второй величины. Высокая сознательность, принципиальность, преданность интересам народа, проницательность, серьезная эрудиция и умение разоблачать лживость «мифов», сочиняемых идеологами декаданса, благородная ясность мысли и страстность полемиста — характерны для Арагона, писателя подлинной демократии, художника-трибуна, близкого традициям Маяковского, Барбюса.

Арагон не раз говорил о том, что встреча с Маяковским имела для него огромное значение, как встреча с поэтом **нового типа**, — с поэтом, обладающим кругозором государственного деятеля, смело вмешивающимся в жизнь, уверенно участвующим в ее преобразовании и именно поэтому создающим новый поэтический стиль, в котором лирика не отделима от патетики, от монументальных обобщений, от боевой политической поэзии, от сатиры. Деятельность лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи была тем маяком, который осветил Арагону и его собственный настоящий, верный путь.

Вопрос о связях крупнейшего современного французского поэта Луи Арагона с советской культурой и литературой представляет несомненный интерес для исследователя. В этой связи привлекает внимание статья Л. Гроссмана, напечатанная в четвертой книжке журнала «Знамя» за 1947 год, на тему «Маяковский и Луи Арагон». Статья содержит небезынтересный материал, касающийся роли, которую сыграл Маяковский в писательской биографии Арагона.

Однако надо отметить, что метод исследования Л. Гроссмана покоится на весьма зыбкой основе совершенно произвольного, чисто механического сближения творчества Арагона с творчеством Маяковского.

Л. Гроссман весь сложный ход своих рассуждений, по существу, направляет к доказательству неких несуществующих «заимствований», не замечая или не желая замечать, что в творчестве коммуниста Арагона, которого Морис Торез в 1945 году назвал поэтом родины, отразились прежде всего современная французская действительность, национальное сопротивление, народное движение Франции.

Арагон творчески воспринял и самостоятельно развил элементы социалистической эстетики, подсказанные ему советской литературой, и это в немалой степени об'ясняется действием тех социальных сил в самой Франции, которые взрастили его, как художника и борца.

Между тем, в результате своего весьма кропотливого, но, к сожалению, мало плодотворного метода, Л. Гроссман сводит творческую связь, духовное сродство, существовавшее между Арагоном и Маяковским, к «влияниям»; тщательно подбирая отдельные строки из произведений обоих поэтов, Л. Гроссман стемится во что бы то ни стало обнаружить текстуальные совпадения. Подобный прием не раз приводил литературоведов к односторонним, весьма неточным, неверным выводам.

Стараясь во что бы то ни стало отыскать дословное сходство, Л. Гроссман доходит до анекдотических нелепостей. Он сравнивает, например, строку Маяковского: «Мама! Ваш сын прекрасно болен» и строки Арагона:

...Быть может, жизнь лишь в том,
Чтоб, просто, мама, рано умереть.

С таким же успехом это стихотворение можно сопоставить с творчеством... С. Есенина, вспомнив начальную строку его известного стихотворения «Письмо к матери»: «Ты жива еще, моя старушка?»

«Мамы разные нужны!» — говорил Сергей Михалков. Но из этого вовсе не следует, что поэты, вспоминая мам, постоянно имеют в виду родительниц других поэтов.

Однако, пока Л. Гроссман неусыпно бодрствует на страже научного литературоведения, Луи Арагон продолжает оставаться оригинальным и самобытным поэтом-борцом прогрессивной Франции и самим фактом своего поэтического существования опрокидывает шаткую конструкцию Леонида Гроссмана.

Гениальное произведение Низами

◇

Проф. А. МАКОВЕЛЬСКИЙ

◇

«Искендер-намэ» завершает цикл поэм Низами, образуя последнее звено в его знаменитой «Пятерице» («Хамсэ»). Над этой поэмой Низами работал в течение нескольких лет и закончил ее приблизительно в 1201 году. На склоне лет он создал грандиозное произведение, — шедевр мировой литературы. «Мера моих лет дошла до шестидесяти, но не убавилась мера моего вдохновения», — говорит сам автор о себе в этой поэме.

Автор чувствует, что это — последнее его произведение, и хочет выразить в нем самые задушевные мысли, поведать миру сокровеннейшие думы, поделиться жизненным опытом и результатами своих многолетних размышлений над проблемами бытия. Это своего рода завещание, которое поэт-мыслитель пишет в назидание потомству.

Он надеется, что эта книга будет служить счастью человечества, что она вдохнет новые силы в сердца угнетенных и внушит им бодрость в их борьбе за лучшее будущее.

По первоначальному замыслу автора, поэма «Искендер-намэ» должна была состоять из трех частей, имевших целью показать Александра Македонского, как великого полководца и идеального царя, как мудреца-философа и как пророка, возвещающего человечеству высшие истины и указывающего путь к подлинно счастливой жизни.

Однако в процессе работы Низами отказался от своего первоначального намерения, и третья часть слилась со второй. Первая самим автором была озаглавлена «Шарафнамэ» («Книга славы»), второй части были даны названия «Игбал-намэ» («Книга счастья») и «Хирад-намэ» («Книга разума»). Впрочем, некоторые называли «Игбал-намэ» не вторую, а первую часть, поскольку в ней повествуется о военном счастье Александра.

Об источниках своей поэмы «Искендер-намэ» Низами пишет: «Рассказов об этом царе, покорителе горизонтов, я не видал начертанными в одном свитке вместе».

Источники, использованные Низами, разнообразны: арабские, персидские, еврейские (сирийские) и «христианские» — возможно, грузинские и армянские. Но наряду с вышеупомянутыми письменными материалами им были привлечены и местные устные азербайджанские легенды об Александре Македонском. Сведения, почерпнутые из этих источников, были дополнены творческой фантазией поэта. Так, автор ввел рассказы о боях Искендера с русами, о пребывании Искендера в Кыпчакской степи и др.

Образом Александра Низами воспользовался для того, чтобы выразить свои собственные идеалы. Современная поэту азербайджанская общественная жизнь проектируется в поэме в далекое прошлое, а ее идеалы перенесены на поэтический образ Александра.

Действие в поэме развивается в хронологической последовательности: рождение Александра, его воспитание и обучение, восшествие на престол, его походы и путешествия, заботы о благоустройстве страны и, наконец, его болезнь и смерть. Но за этой внешней хронологической последовательностью скрывается более глубокая внутренняя последовательность: поступательное восхождение героя сперва на вершину славы, затем возвышение его на вершину мудрости и, наконец, на вершину праведности.

Три основные проблемы ставит Низами в поэме «Искендер-намэ»: какой общественный строй является наилучшим, в чем истинное знание и в чем истинная религия. Он стремится преобразовать жизнь человечества и считает, что для счастья людей необходимо осуществить реформу общественного строя, философии, науки.

Низами рассматривает свое произведение, как выполнение долга перед будущими поколениями.

Он говорит об обязанностях перед потомством: «Не годится сеять только для себя. Из сада, который предшественники насадили, преемники собрали плоды, все мы — сеятели один для другого».

И действительно, те благородные семена, которые посеял Низами, не пропали бесплодно. Провозглашенные им прогрессивные идеи справедливости, равенства, подлинной гуманности и патриотизма и в последующие эпохи призывали народы к борьбе с угнетателями и поработителями.

Идейные устремления Низами тесно связаны с умонастроениями передовых кругов азербайджанского общества XII века, стремившихся преодолеть ограниченность мрачного средневековья.

Стремясь вырваться из рамок средневековой идеологии, Низами, подобно западноевропейским мыслителям эпохи Возрождения, обращается к древнегреческой культуре, что сказалось уже в самом выборе героя поэмы.

Рассмотрим развиваемые в поэме взгляды Низами на общество, на науку и на религию.

Низами учит, что только такой общественный строй является прочным, при котором в отношениях между людьми царит справедливость.

«Брось насилье ты целиком, ведь насилье причиняет недолгую жизнь. Недолговечно государство, в котором царит несправедливость, недолговечен и человек, совершающий несправедливость», — говорит поэт в «Игбал-намэ».

Низами выступает с горячим протестом против тирании и призывает к активной борьбе и к героическому сопротивлению против насильников. «С тиранами ты смиренным не будь. Иначе в печали застрянешь, как в глине осел».

В поэме «Искендер-намэ» Низами сперва дает изображение возможно лучшего государства при сохранении существующего общественного строя, а затем знакомит читателя с высшим идеалом коренного переустройства общества на новых началах.

Лучшее, что может быть при сохранении существующих основ общества, — государство, которым правит справедливый монарх, защищающий народ от притеснений со стороны сильных, знатных и богатых. Высший же идеал — общество, в котором все равны и свободны, все справедливы, все обладают высокими моральными качествами и в котором поэтому за ненадобностью упразднено государство, нет власти и правителей, нет судов и тюрем.

Идеальный царь у Низами характеризуется следующими чертами. Он — «носитель справедливости». Его помыслы направлены на то, чтобы водворить во всем мире господство мира и безопасность, сделать все народы свободными и счастливыми. Он заботится о правосудии. Он не позволяет сильным обижать слабых. Такой царь обладает обширными знаниями, окружает себя мудрецами и выслушивает их советы. Но он не слушает слово, которое несправедливо. Он свято выполняет свои обещания. Он «обилен терпением и скуден на слова». Он энергичен во время войны. Он мужественен и благоразумен. Об Александре Низами говорит: «Сердце его было полно благоразумия, рука полна силы».

Идеальный государь полон мысли об общем благе. Он заботится о благосостоянии народа, его думы направлены на экономическое процветание страны. Он основывает новые города и расширяет старые, заботится о путях сообщения и о судоходстве, строит маяки. Он заботится о процветании наук и искусств, о просвещении народа, о насаждении в народе добрых нравов. Он печется о внутреннем благоустройстве страны, о водворении в ней порядка: «Каждой стране, куда он гнал своего коня, он в подарок давал благоустройство».

Идеальный правитель стремится к укреплению своего государства. Во всех опасных местах он строит замки, укрепления, крепости. Он стремится «освободить народ от пролития крови».

Но Низами убеждается в бесплодности обращения к царям с добрыми советами. «Давать советы мощным властелинам — это то же, что рассыпать семена на солончаке». Эпизод «Певец на пиру у Александра Македонского» вскрывает всю гниль царских тронов. Если будут сняты красивые завесы и обнаружится нутро царской власти, то «весь мир насквозь наполнится вонью».

Поэт понимает, что «идеальный царь» — несбыточная мечта и что устранение несправедливости в обществе требует коренного преобразования общественного строя. И вот он переносит читателя на далекий север, в страну, где живет счастливый народ, которому неведомы общественные пороки и социальные бедствия, порождаемые господством частной собственности. Александра, прибывшего в эту страну, прежде всего поражает в ней полное отсутствие замков, заборов, сторожей.

Старшины знакомят его с бытом народа. «Равными все мы считаем себя». «Никто из нас не имеет больше другого». Жители этой страны сообща обрабатывают земли и оказывают «взаимную помощь каждому во всем, в особенности больным, старикам, слабым. У них нет воевод, войска, правителей, судов, тюрем. Им неведомы грабежи, воровство. Если же кто-либо нарушает принятые правила поведения, то единственным наказанием является исключение такого человека из общества. Они никогда «не отступают от правды», всегда блюдут справедливость, не говорят лжи, не злословят, ко всем относятся доброжелательно, соболезнуют друг другу в случае несчастья.

Таково идеальное общество Низами.

Реформа науки и философии, проводимая Низами, заключается в разграничении области разумного знания от религиозной веры. Он выступает с теорией познания, согласно которой разум компетентен познавать то, что «внизу его», то-есть видимый и осязаемый материальный мир, но разум не в силах постигнуть того, что «выше его», то-есть бога и его дела. Отсюда, естественно, возникает вывод о бесплодности богословских наук, с одной стороны, и о способности разума, не прибегая к откровению, познавать все явления земного мира, с другой.

Низами говорит, что разум и приобретаемое посредством его знание дают человеку господство над всеми вещами. Свет разума, — учит Низами, — должен служить руководителем человеку и в познании мира, и в житейской практике, и в общественной деятельности, и в нравственности людей.

Такой взгляд на разум, на науку и философию, на их роль в жизни является новым для средневековья, опережающим эпоху Низами на четыре столетия.

Характерно, что в поэме Низами среди приближенных Александра и среди мудрецов, с которыми он советуется о государственных делах, нет представителей духовенства. И там, где поэт говорит об идеальном общественном строе, также нет упоминания ни о духовенстве, ни о храмах, ни о богослужении и религиозном культе.

Что касается догм мусульманской веры, то Низами, начиная уже с первого своего произведения «Сокровищница тайн», обращался с ними весьма свободно.

Самым существенным расхождением Низами с мусульманской религией было его новое моральное сознание. Господствующая мусульманская религия выполняла социальную функцию порабощения трудящихся масс и одурманивания их. Эта религия учила массы покорности существующему строю, повиновению феодалам (причем сама церковь была крупнейшим феодалом), стремилась держать трудящиеся массы в невежестве и суеверии, стараясь прививать им религиозный фанатизм, разжигать вражду ко всем иноверцам. Она освящала своим авторитетом рабское положение женщин.

В противоположность мусульманской морали, Низами выступает как гуманист, горячо любящий человечество без различия рас, национальностей и вероисповедания. Он является сторонником дружбы между всеми народами и защитником всеобщего мира: «Мир лучше, чем спор и война, ибо последние приносят раны и боль, этот — блеск и процветание». Зачинщики войны, захватчики заслуживают осуждения.

Низами хочет научить людей познать «пути жизни». И поскольку ключ к счастливой жизни и к идеальному общественному строю он, как идеалист в понимании общества, усматривает в моральном совершенстве людей, его религия направлена на создание и распространение новых моральных идей. Его кодекс морали прежде всего требует чистоты помыслов, самоотверженного труда на общее благо, возвышенных чувств, любви к человечеству, прямодушия, служения истине.

Поэма Низами «Искендер-намэ» — величественный памятник общественной мысли XII века. Этот замечательный исторический документ обличает и критикует феодальный общественный строй, его экономические и социальные основы, его идеологию. Выступая против господства феодалов и духовенства, Низами противопоставляет существующему строю свой общественный идеал, в основе которого лежит идея всеобщего равенства и уничтожения эксплоатации человека человеком.

Поэма Низами «Искендер-намэ» грандиозна по богатству своего содержания и по обилию охваченных тем. Она представляет собой настоящую энциклопедию, освещающую самые разнообразные стороны жизни: тут и уроки политической и житейской мудрости, и самые отвлеченные философские проблемы, и военное дело, и вопросы этики, и познание человеческой души во всех ее проявлениях, и неподражаемые — по силе художественного изображения — картины природы, и несравненные по реализму картины жизни людей в ее многообразии.

По всеоб'емлющему характеру отображения жизни «Искендер-намэ» может быть сопоставлена с такими произведениями мировой поэзии, как поэмы Гомера или «Божественная комедия» Данте.

Отличительная особенность «Искендер-намэ» Низами — сочетание глубокой идейности и высокой художественности. Вся поэма проникнута горячей любовью к трудящемуся человечеству и пламенной ненавистью к его угнетателям и эксплоататорам. Свою миссию поэт видит в служении народу и в борьбе за его лучшее будущее. Художественная форма служит у Низами могучим средством — довести высокие идеи до сознания массы, завоевать для них сердца людей.

Гениальное произведение Низами снискало себе бессмертие, оно заняло почетное место в мировой литературе и вошло в золотой фонд литературного наследия народов СССР.

Миниатюры-иллюстрации к произведениям Низами

В Государственном музее восточных культур хранятся уникальные рукописи произведений Низами, иллюстрированные древними иранскими миниатюрами.

Хорошо сохранились 56 миниатюр знаменитых пяти поэм рукописи «Хамсэ», относящейся к 1491 году, — эпохе Тимуридов, славящейся высоким качеством иранской миниатюрной живописи. Больше всего миниатюр этой рукописи посвящено поэмам «Хосров и Ширин», «Искендер-намэ» и «Семь красавиц».

Большой интерес представляет и экспонируемая музеем другая рукопись «Хамсэ», датированная 1526 годом и украшенная иранскими миниатюрами работы неизвестных художников эпохи династии Сефевидов. К той же эпохе относятся и прекрасные миниатюры рукописи 1632 года, в которой записана одна из поэм «Хамсэ» — «Искендер-намэ».

В течение многих веков после смерти Низами поэты мусульманского Востока подражали ему, перепевали сюжеты его поэм. Выделяется качеством своих миниатюр хранящаяся в музее рукопись одного из таких подражаний — поэмы «Лейли и Меджнун», написанной Эмиром Хосровом Дехлеви, умершим в 1325 году.

НА СНИМКЕ: Миниатюра-иллюстрация к поэме «Искендер-намэ». Искендер в пещере дербентского отшельника.

Федор КЕЛЬИН

ПЕРЕДОВОЙ ПИСАТЕЛЬ МЕКСИКИ

К приезду в СССР Хосе Мансисидора

В Москву приехал один из виднейших представителей мексиканской литературы Хосе Мансисидор.

«Сын мексиканского народа, я в то же время сын его революции»,—говорит о себе писатель. И действительно, вся его жизнь посвящена служению народу.

Мансисидор родился в рабочей семье в девяностых годах прошлого столетия; он принял деятельное участие в мексиканской революции 1910 и следующих годов, был дважды ранен, неоднократно сидел в тюрьме. Капитан, майор, а позднее подполковник повстанческой армии, он честно сражался в рядах народа, восставшего против насилия и произвола тогдашних правителей Мексики.

Трудная жизнь солдата не сломила душевных сил Мансисидора. Наоборот, из борьбы он вышел окрепшим и закаленным. Сейчас Мансисидор — один из виднейших деятелей народного просвещения в Мексике, он — видный писатель, замечательный педагог, талантливый историк.

Литературная деятельность Мансисидора началась в конце двадцатых годов, когда вышли в свет его первые книги: «Карранса и его интернациональная политика» (1929 год) и «О том, как пали герои» (1930 год). Но подлинная слава пришла к нему с появлением повести «Мятеж». Эта яркая книга о гражданской войне в Мексике раскрывала, каким бесплодным и трагическим оказывалось для трудящихся масс их участие в непрерывно вспыхивавших в стране на протяжении почти двадцати лет генеральских путчах. «По страницам моей правдивой книги, — писал Мансисидор в предисловии к «Мятежу»,—пройдут главные действующие лица национальной драмы Мексики: люди без возвышенных целей, «без руля и без ветрил», движимые одним лишь честолюбием. Они были помехой в деле осуществления подлинных стремлений народа, а солдаты, голодные и оборванные «хузны», боролись и умирали ради интересов более или менее удачливых авантюристов».

В повести звучат и другие ноты: ее герой —«человек из Халапы» (сам автор), после разгрома «мятежа» попадает на нефтяные промыслы. Здесь он воочию убеждается в том, что движущей силой «асонад» (генеральских мятежей) в Латинской Америке является англо-американский капитал, представляющийся писателю в виде чудовищного спрута, высасывающего все соки из Латинской Америки и создающего невыносимые условия для жизни ее трудящихся. Впервые в мексиканской литературе Мансисидор не просто изобразил отрицательные стороны мексиканской революции: он попытался разобраться во внутренних пружинах, в механизме происходивших событий, осознать истинный смысл революционной борьбы мексиканского народа против его иностранных и отечественных угнетателей.

С еще большей четкостью эта основная, революционная, линия творчества Мансисидора выступает в его романе «Красный город» (1932 год), темой для которого послужила рабочая стачка в гор. Веракрус. Рабочих расстреливают, организатор и главный руководитель стачечного движения Хуан Мануэль погибает на баррикаде со знаменем в руках, и все же стачка, несмотря на свой трагический исход, не была бесплодной. Она явилась уроком революционной борьбы для рабочих.

«Мятеж» и «Красный город» были вскоре после их появления переведены на русский язык. Повесть напечатана в журнале «Интернациональная литература» (№ 2 за 1933 год), а отрывки из романа публиковались в сборнике «Литература в Южной и Карибской Америке» (1934 год).

Мансисидор был одним из организаторов об'единения передовых писательских сил Мексики и фактическим руководителем группы «Ноябрь», являвшейся едва ли не первым крупным об'единением прогрессивных писателей страны. Своими основными задачами в области международных отношений группа провозгласила борьбу против фашизма и опасности войны и защиту Советского Союза. Группа «Ноябрь» прислала в июле—августе 1934 года своего представителя Эярике Гонсалес Апаресио на Первый всесоюзный с'езд советских писателей.

Еще в 1934 году, отвечая на анкету, проведенную журналом «Интернациональная литература» в связи с Первым с'ездом советских писателей, Мансисидор писал:

«С юных лет, как рядовой боец, я принимал участие в мексиканском движении, но только Октябрьская социалистическая революция воплотила в жизнь мои стремления и мечты».

Весной 1936 года Мансисидор приехал в Москву. В беседе с сотрудником «Литературной газеты» он с гордостью подчеркнул, что «советская литература пользуется в Мексике большой популярностью и едва ли не наибольшим влиянием».

В результате поездки в СССР Мансисидор написал несколько рассказов, прекрасное взволнованное стихотворение, которое изображает великого вождя народов товарища Сталина, принимающим первомайский парад, и книгу очерков «Сто двадцать дней».

Уезжая из Советского Союза в конце июня 1936 года, Мансисидор обратился к советским писателям с письмом, заключительные строки которого мы здесь приводим.

«Многое уже достигнуто вами, товарищи советские писатели! Но я твердо уверен, что вы достигнете еще большего, идя по тому чудесному, залитому солнечными лучами пути, по которому вам дано итти... Мы, ваши младшие братья, тоже боремся в наших странах за глубокий, подлинно человеческий смысл жизни. Мы страстно ждем от вас великих произведений искусства. Ваша победа, дорогие товарищи, будет нашей победой, здесь, под нашими широтами, где мы стоим сейчас лицом к лицу с самыми темными силами реакции».

Следующие два-три года жизни писателя были почти целиком посвящены помощи героическому испанскому народу в его борьбе за свободу. В 1937 году мы видим Мансисидора в осажденном врагами Мадриде в качестве главы мексиканской, а позднее об'единенной латино-американской делегации на Втором международном конгрессе в защиту культуры. На митинге, завершившем работу конгресса в Испании, Мансисидор выступил с речью, в которой указал, что «весь мексиканский народ восхищается Советским Союзом и его благородной поддержкой Народной Испании». Это заявление Мансисидора было встречено горячими рукоплесканиями. Когда в Париже был избран руководящий состав Бюро Международной ассоциации в защиту культуры, Мансисидор вошел в него в качестве представителя Мексики.

Вернувшись к себе на родину, Мансисидор написал повесть «Об испанской матери» (1938 год), вышедшую в русском переводе в первые месяцы Великой Отечественной войны. В этой повести, перекликающейся со знаменитой книгой А. М. Горького, Мансисидор дал яркий образ испанской женщины наших дней, показал ее молчаливый героизм, великую любовь к своему народу, к свободе и ненависть к вековым притеснителям. После разгрома Народной Испании, когда передовой испанской интеллигенции пришлось искать себе приют в странах Латинской Америки, Мансисидор стал одним из активнейших организаторов братской помощи беженцам, вошел в состав редакции журнала «Романсе», основанного силами передовой испанской интеллигенции в г. Мексико, участвовал в создании хунты в защиту испанской культуры.

После бандитского нападения гитлеровцев на Советский Союз Мансисидор стал во главе мексиканского «Общества друзей СССР».

Мансисидор не прекращал в эти годы и творческой работы. С 1938 по 1947 год он написал ряд художественных произведений и опубликовал несколько ценных историко-литературных работ. Среди художественных произведений Мансисидора в первую очередь следует упомянуть большой роман «Роза ветров», получивший третью премию на международном конкурсе на лучшую латино-американскую книгу (1941 год). В этом романе Мансисидор, по его собственным словам, хотел «не только воссоздать живописную сторону гражданской войны в Мексике, но и нарисовать духовную жизнь поколения мексиканской революции», того поколения, к которому принадлежит он сам. И это ему вполне удалось.

Беглый очерк о творческой и общественной работе замечательного представителя художественного мира Латинской Америки хочется закончить словами, заимствованными из его письма Союзу советских писателей, датированного 20 декабря 1943 года:

«Товарищи! Как мне хотелось бы сейчас быть рядом с вами, как это было в дни нашей общей помощи великому испанскому народу. Но где бы ни находился я теперь, вдали или вблизи от вас, я всегда буду стойким бойцом на службе у дела защиты человеческого достоинства и справедливости. Слава великому Советскому народу, вашим рабочим, вашим крестьянам, вашей армии, вашим писателям и слава, великая слава маршалу Сталину, ведущему народы и человечество к светлым берегам лучшей жизни».

Советские писатели горячо приветствуют своего гостя, прекрасного мексиканского писателя Хосе Мансисидора.

Собрание писателей Эстонии

ТАЛЛИН. **(От наш. корр.).** В Союзе писателей Эстонской ССР состоялось собрание, посвященное годовщине постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». С докладом выступил главный редактор журнала «Звезда» В. Друзин. Эстонские писатели рассказали о новых произведениях, над которыми они сейчас работают. Решено усилить творческие связи с писателями Ленинграда, принять более активное участие в журнале «Звезда».

„Поэзия Советской Армении"

Гослитиздат выпустил книгу «Поэзия Советской Армении» (222 стр., тираж 10000, цена 5 руб.), в которой напечатаны переводы на русский язык стихов современных армянских поэтов; Аветика Исаакяна, Наири Зарьяна, Гегама Сарьяна, Азата Вштуни, Сармена, Согомона Таронци, Веспера, Сурена Вагуни, Ованеса Шираза, Ахавни, Ашота Граши, Сильвы Капутикян, Гургена Боряна, Маро Маркарян, Татула Гуряна, Рачии Ованесяна, Геворка Эмина. Большинство стихов, вошедших в сборник, написано за годы Великой Отечественной войны или после победы.

Сборник открывается вступительной статьей М. Шагинян «Армянская поэзия в Отечественной войне».

Новый словарь русского литературного языка

Институт русского языка Академии наук СССР подготовил к печати под редакцией академика С. П. Обнорского первый в СССР однотомный толковый словарь русского современного литературного языка, рассчитанный на массового читателя. В нем содержится 60000 слов. В 1948 году словарь выйдет стотысячным тиражом в Государственном издательстве иностранных и национальных словарей Огиза.

Рукописи русских писателей

КИЕВ. **(От наш. корр.).** В Институте украинской литературы им. Тараса Шевченко хранится большое количество автографов и рукописей выдающихся русских писателей.

Недавно институт приобрел ряд рукописей, часть которых еще не опубликована. Большой интерес представляет письмо Александра Блока, которое содержит высказывания поэта о революции 1917 года. Приобретен также рукописный экземпляр думы поэта-декабриста К. Ф. Рылеева — «Рогнеда».

Среди других рукописей следует отметить письма-автографы и рукописные списки произведений Радищева, Державина, Карамзина, Озерова, Дениса Давыдова, Крылова, Лермонтова, Некрасова, Полонского, Добролюбова, Тургенева, Короленко.

В списке поэмы Некрасова «Саша» имеется четверостишие, которого нет в печатных изданиях поэмы:

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его: нужны не годы,
Нужны и слезы, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Новые номера журналов

„Знамя" № 9

В номере напечатаны «Записки офицера» — Героя Советского Союза майора Г. Пэнэжко, новелла А. Гончара — «Модры Камень», рассказ Н. Лукина — «Обвал», стихи А. Ерикеева, А. Жэрова, Ю. Яковлева, М. Луконина. 800-летию Москвы посвящена статья члена-корреспондента Академии наук СССР С. Бахрушина — «Прошлое великой столицы» и очерк Е. Кригера — «Наша Москва». В разделе публицистики помещена статья М. Гуса — «Преступная игра». «Литературный дневник» журнала публикует статью Обозревателя — «Советская литература на под'еме». В разделе «Критика» помещены статьи Ан. Волкова — «Ленин и проблемы литературы» и М. Гельфанда — «Школа ренегатства». В разделе «Библиография» напечатаны статьи Я. Варшавского — о повести А. Федорова «Подпольный обком действует», Ф. Александровой — о романе В. Язвицкого «Иван III, государь всея Руси», П. Березова — о повести С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды», Б. Яглинга — о книге Вильяма Бредфорда Гюи «Дело против адмиралов». Завершает номер раздел «Литературная жизнь», в котором опубликована статья О. Черного — «У московских прозаиков».

„Октябрь" № 8

В августовском номере журнала «Октябрь» напечатаны окончание романа Г. Коновалова «Университет», поэма С. Кирсанова «Небо над родиной». Цикл «Из казахских поэтов» представлен стихами Доскея, Таира Жарокова, Касыма Аманжолова, Калижана Бекхожина, Жумагали Саина (переводы Н. Титова, П. Железнова, П. Шубина). В разделе «Публицистика» напечатаны статьи В. Полторацкого — «Лето во Франции», А. Медникова — «Свет на Азовском берегу», Г. Яффе — «Александра Люскова». В разделе «Литературные портреты» напечатана статья Л. Скорино — «Мариэтта Шагинян». В разделе «Критика и библиография» опубликованы статьи Я. Фрида — «Эстетика современного декадентства», Я. Черняка— «Две книги о странах Западной Европы», М. Чарного — о повести Эльмара Грина «Ветер с юга», С. Кирьянова — «Стихи Сергея Обрадовича», П. Пустовойта — «Рассказы Н. Москвина «Чистые Пруды», О. Грудцовой — о книге М. Яхонтовой «Корабли уходят в море», И. Сельвинского — «Поэзия Л. Озерова». Завершает номер «Трибуна писателя», в которой помещены отклики на статью А. Фадеева (О. Грудцовой — «О романтизме и реализме», В. Инбер — «Советская поэзия и ее поэты», А. Марголиной — «О новаторстве и традициях»).

НОВЫЕ КНИГИ

Гослитиздат

А. Фадеев «Молодая гвардия». Роман. 469 стр. Тираж 100 000. Цена 10 руб.

Ф. Панферов. «Бруски». Роман. 955 стр. Тираж 25000. Цена 20 руб.

А. Н. Толстой. «Полное собрание сочинений». Том. VIII. В томе напечатаны третья книга («Хмурое утро») трилогии «Хождение по мукам» и повесть «Хлеб». Комментарии И. Бекеляра и И. Сермана. 706 стр. Тираж 40000. Цена 18 руб.

В. Шишков. «Избранные сочинения». Том III (роман «Угрюм река»). 859 стр. Тираж 50000. Цена 18 руб.

А. Куприн. «Избранные сочинения». Вступительная статья А. Мясникова. Подготовка текста Н. Вячеславова. 491 стр. Тираж 100000. Цена 16 руб.

А. Чехов. «Полное собрание сочинений». Том VII. Рассказы, повести, статьи и фельетоны (1888—1891). 583 стр. Тираж 50000. Цена 15 руб.

Гете. «Собрание сочинений». Том V (трагедия «Фауст»). Перевод с немецкого Н. А. Холодковского. Предисловие и комментарии Н. Вильям-Вильмонта. 590 стр. Тираж 3000. Цена 10 руб.

Роберт Бернс. «Избранное». (Стихи, песни, кантата «Веселые нищие», эпиграммы и эпитафии). Переводы С. Маршака. Вступительная статья М. Морозова. 94 стр. Тираж 15000. Цена 3 руб.

Гюи де Мопассан. «Полное собрание сочинений». Том. X («Под солнцем», «На воде», «Бродячая жизнь»). Переводы Н. Соколовой, Б. Горнунга Г. Рачинского. Комментарии Ю. Данилина. 381 стр. Тираж 20000. Цена 10 руб.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19. (Для телеграмм — Москва, Литературная). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: критики — К 4-26-04, литератур братских республик — К 4-60-02, детской и областной литературы — К 4-61-45, искусств и иностранной литературы — К 4-64-61, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Б-0156 Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7. Зак. № 2325.